

КЛУБ

ЖУРНАЛ
С ВКЛАДНЫМИ
ГРАМЗАПИСЯМИ

ISSN 0023 219X
Библио-теки
МГМ

17-1988
СЕНТЯБРЬ

И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Клуб

И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Общественно-политический и научно-методический журнал ВЦСПС и Министерства культуры СССР

17 (743)
СЕНТЯБРЬ
1988

Год издания
тридцать восьмой
Выходит
два раза в месяц

Редакционная коллегия:

И. П. Никонов,
главный редактор,
К. И. Аксанов,
ответственный секретарь,
В. Н. Костецкий,
В. В. Кочетков,
О. Я. Ремез,
В. С. Сергутин,
Ж. Ж. Смелова,
В. В. Сухорадо,
Л. Н. Тютиков,
Р. В. Уваров,
Г. И. Щербина,
зам. главного редактора

Номер вела заместитель
ответственного секретаря
С. В. Пацюкова

Главный художник
А. Н. Жилин

Художественный редактор
Е. А. Якубович

Технический редактор
Л. М. Литвиненко

Корректоры:
Т. А. Дунцева,
С. И. Калинина,
Е. К. Гришина

Ордена Трудового
Красного Знамени
издательство ВЦСПС
Профиздат

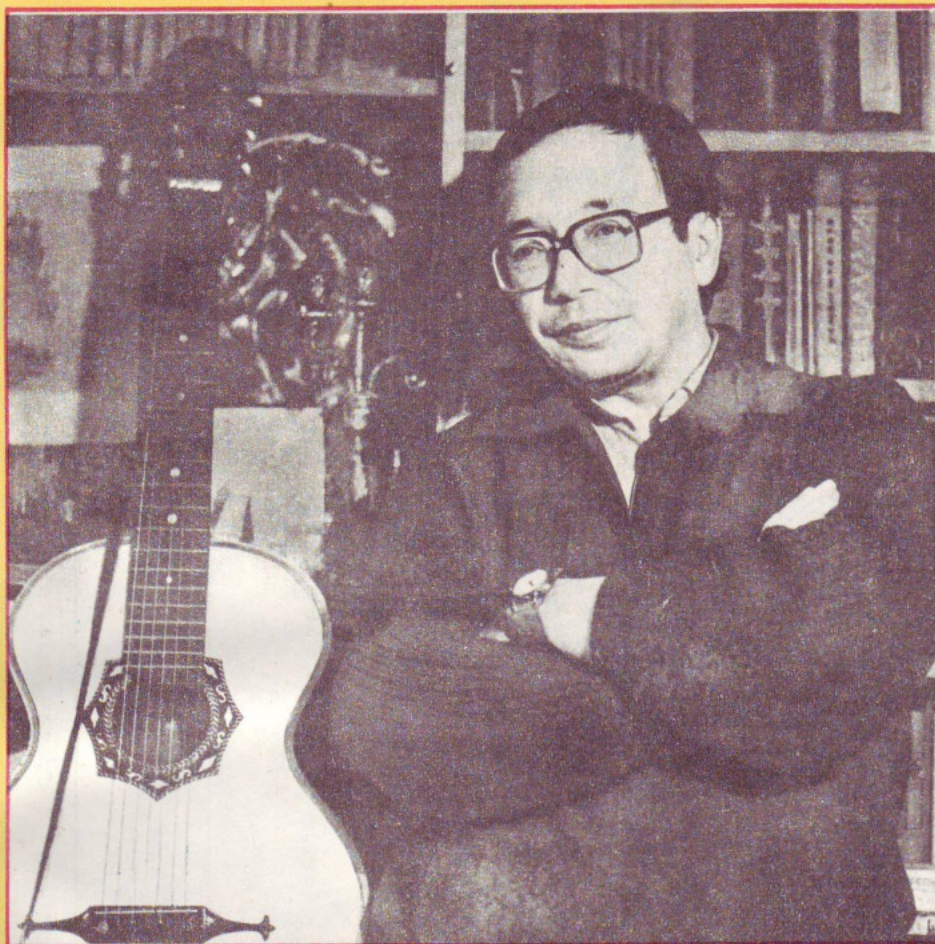
Вкладные пластинки номера
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»

Адрес редакции:
117630, Москва,
Старокалужское шоссе, 1,
Телефон 128-83-29

Сдано в набор 08.07.88. Подписано в печать 26.07.88.
А-13310. Формат 60×90¹/₈. Печать глубокая. Усл.
печ. л. 4. Уч.-изд. л. 7,84. Усл. кр.-отт. 18. Тираж
90 445 экз. Зак. Т676. Ленинградская типография
№ 3. Головное предприятие дважды ордена Тру-
дового Красного Знамени ленинградского произ-
водственного объединения «Типография имени
Ивана Федорова» Союзполиграфпрома при Госу-
дарственном комитете СССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли

191126, Ленинград,
Звенигородская, 11.

© «Клуб и художественная
самодетельность», 1988

Юлий Ким.
Фото А. Ефремова.
[См. статью «Песни Юлия Кима», с. 27—28]

На обложке — солистка
самодетельного танцевального
ансамбля «Фирюза» из г. Душанбе
Шадло Юсупова.

Фото В. Грановского и А. Жилина

Литературные вечера

1. «К 160-летию Л. Н. Толстого»

На пластинке вы услышите обращение Л. Н. Толстого к крестьянским детям, воспоминания секретаря писателя В. Лебрена, а также музыку вальса, написанного Львом Николаевичем в молодые годы, который прозвучит в исполнении выдающегося советского пианиста А. Б. Гольденвейзера.

Для клубных фонов

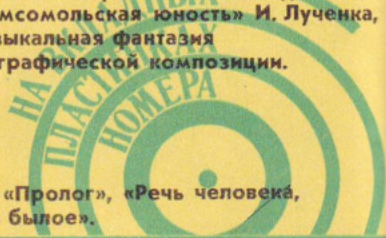
2. «Комсомольцы-добровольцы»

Организаторы клубных тематических вечеров найдут здесь музыку для оформления мероприятий, посвященных 70-летию ВЛКСМ. Прозвучит композиция на темы известных песен советских композиторов: «Комсомольцы-добровольцы» М. Фрадкина, «Песня о тревожной молодости» А. Пахмутовой, «Дан приказ» Д. Покрасса, «Комсомольская юность» И. Лученка, «Марш веселых ребят» И. Дунаевского. Эта музыкальная фантазия может быть использована для создания хореографической композиции.

Товарищ-гитара

3—4. «Песни Юлия Кима»

В исполнении автора прозвучат четыре песни: «Пролог», «Речь человека, сопровождающего Галилея», «Федя» и «Забудь бывшее».

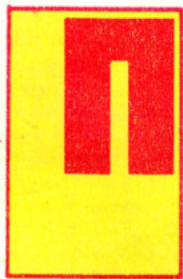
Третий Всесоюзный фестиваль народного творчества проводится в мае 1988 — феврале 1991 гг. Названы первые его лауреаты. Впереди три года упорной работы, и конечно же смотров, конкурсов, праздников. И вся эта разнообразная, интенсивная культурная жизнь, рожденная творчеством советских людей в свободное от работы время, будет тем интереснее и результативнее, чем четче будет организован фестиваль.

Третий Всесоюзный

Н. СИЛКОВА,

заместитель министра культуры СССР, заместитель председателя оргкомитета Третьего Всесоюзного фестиваля народного творчества

Прежде всего хочу обратить внимание на девиз фестиваля: «Творчество народа — обновлению страны». Это значит, что фестиваль нацелен не только на подъем духовной культуры советских людей — это в той или иной мере было свойственно и предыдущим смотрам самодеятельности, — но и на то, чтобы сделать их самыми активными участниками перестройки, которая идет сегодня во всех сферах общества. Тем самым мы утверждаем, что народное творчество — это не просто досуговая деятельность населения страны, а выражение через нее определенной социальной позиции, способной влиять на общественное мнение, формировать его в целях противодействия бюрократическим и негативным явлениям жизни.

Что же касается нововведений в организационную структуру фестиваля, то они достаточно подробно изложены в Положении о нем. Хочу только заострить внимание на следующем. Успех фестиваля будет в значительной степени зависеть от совместных усилий всех его устроителей независимо от ведомственных интересов, от активной поддержки ими как личных инициатив рабочих, колхозников, интеллигенции, учащейся

молодежи, так и программ самодеятельных формирований, любительских объединений, клубов по интересам, от создания, я это особо подчеркиваю, самых благоприятных условий для развития разнообразных форм народного творчества.

Фестиваль реализует совершенно конкретные воспитательные, идеологические, патриотические и интернациональные задачи в каждом трудовом коллективе, учебном заведении, воинской части, городе, на селе.

И наконец, Положение предусматривает широкую демократичность, предоставляя возможность проявить инициативу не только оргкомитетам, но и самим участникам самодеятельности, творческой общественности, комсомолу.

А то, что нынешний фестиваль идет сразу за предыдущим без паузы, без перерыва (вспомним, между Первым и Вторым прошло десять лет), так это потому, что само народное творчество не знает таких пауз, таких перерывов.

Учитывая уроки Второго фестиваля, мы восстановили принцип состязательности. Отбор коллективов выездными комиссиями никак не стимулировал их к дальнейшему совершенствованию, а кружки, организованные, скажем, к смотру цеховой самодеятельности на предприятии, практически сразу же по его окончании переставали существовать. Да и в клубах новые формирования не всегда оказывались жизнеспособными.

ми. Нередко они создавались искусственно, чтобы поднять отчетную цифру. В результате — не рост, а даже снижение числа участников самодеятельности.

В ряде регионов оргкомитетам так и не удалось «расшевелить» любителей-садоводов, коллекционеров, любителей технического творчества, создать условия для достойного досуга населения. Дело доходило до того, что некоторые местные оргкомитеты вообще не были созданы, а те, что формально считались действующими, слабо представляли, как нужно работать.

Перед органами культуры была поставлена задача разработать — начиная с рядового клуба и до министерства республики — перспективные планы развития художественной самодеятельности, вовлечения в нее новых участников. Всесоюзный и Всероссийский научно-методические центры народного творчества и культурно-просветительной работы на конкретном клубе в конкретном селе, районе, области пробуют методу такого перспективного планирования.

Сложившаяся на сегодняшний день диспропорция жанров самодеятельности вызвала к жизни целевые программы развития этих жанров на весь трехлетний срок фестиваля. Например, на Украине будет обращено особое внимание на развитие духовых оркестров, в Казахстане — народной музыки, в Молдавии — хорового пения.

В отличие от оргкомитета Второго фестиваля состав нынешнего, я бы сказала, более демократичен. Значительно сокращено в нем представительство центральных органов, зато увеличилось число мастеров литературы, искусства, руководителей, участников самодеятельных художественных коллективов, любительских объединений. Значительно больше в нем стало мастеров искусств из союзных республик. Я думаю, что это внесет хороший творческий настрой в нашу работу.

В организационной структуре фестиваля хочу отметить четкое и последовательно выраженную идею смотров-конкурсов, начиная с низового звена до союзного масштаба, то есть от района, города, области, края, автономной и союзной республики, до всесоюзных мероприятий, сохраняя принцип вовлечения в них всех без исключения категорий населения нашей страны.

Впервые сформулирована идея конкурсов-смотров, праздников по различным видам и жанрам народного творчества, отражающим национальные особенности, традиции региона, особо выделены интересы молодежи.

Значимую роль сыграют межреспубликанские мероприятия, которые будут проводиться по инициативе республиканских организационных комитетов и позволят ликвидировать дефицит межнационального общения, наблюдаемый в последнее время.

Республиканским оргкомитетам дано право создавать программы своих внутривнутриреспубликанских смотров и праздников. В сочетании с обязательной фестивальной программой они цементируются в единую систему.

Формируются постоянно действующие всесоюзные творческие лаборатории с целью обеспечить системность, стимулирование и пропаганду народного творчества. Определены основные направления всеобщего обучения руководителей художественной самодеятельности. Для них при театрах, концертных учреждениях, специальных учебных заведениях, ведущих народных коллективах открываются консультационные пункты. Будут активно работать курсы повышения квалификации.

Репертуарно-редакционные коллегии министерства (об этом шла речь на Киевском семинаре-совещании их главных редакторов) сосредоточат внимание на расширении обмена репертуаром между республиками, на создании новых произведений для массовых жанров, для детей, агитбригад. Но тут есть проблемы.

К сожалению, ограничены фонды бумаги, средства, существуют трудности с полиграфической базой. Центральные издательства и типографии перегружены заказами и не всегда охотно идут навстречу интересам художественной самодеятельности.

Предлагается расширить участие в фестивале самодеятельных творческих объединений (так называемых неформалов) и клубов по интересам. Будет создан более четкий механизм управления этими любительскими формированиями.

Получат широкую поддержку массовые фольклорные, певческие праздники, дни городов, марш-парады духовых оркестров, ярмарки, дни и выставки ремесел, фестивали политической, авторской песни и другие виды и жанры народного творчества.

Третий Всесоюзный набирает силу. Он стартовал Всесоюзным праздником духовой музыки, когда практически во всех больших городах прошли марш-парады духовых оркестров. Но главные события развернулись конечно же в Москве. С 5 по

7 мая в ДКГТ ГПЗ-1 состоялся Всесоюзный конкурс духовых оркестров, в котором приняли участие 26 коллективов из всех союзных республик, а также гости из Болгарии, Венгрии, Польши, Чехословакии и ГДР. Председателем жюри был член оргкомитета фестиваля, начальник военно-оркестровой службы МО СССР генерал-майор Н. Михайлов. Он же стал и главным дирижером праздника 9 Мая, начавшегося марш-парадом духовых оркестров (около 80 коллективов) от Белорусского вокзала по улице Горького на площадь имени 50-летия Октября. Кроме них, гостями праздника стали группы музыкантов, играющих на национальных духовых инструментах, барабанищи из Московской области, БССР и Литовской ССР. Все это выглядело очень нарядно и красочно.

Духовая музыка звучала в парках, на открытых площадках, во Дворцах культуры, на ВДНХ СССР. В Измайлово и на Чистых прудах курсировали трамваи, а по Москве-реке теплоходы с музыкантами на борту. Участники праздника возложили венок и посетили Мавзолей В. И. Ленина. Представителей делегаций приняли в исполкоме Моссовета.

Фестиваль в эти майские дни пришел и в союзные республики, областные города. В Ленинском и Октябрьском районах Петрозаводска, на Первомайском проспекте он вылился в массовые народные гулянья. В культурно-образовательных и на подшефных погранзаставах Карелии шли отчетные концерты художественной самодеятельности, а во всех кинотеатрах республики — показы любительских кинолент, во Дворцах культуры открылись выставки произведений изо- и фотостудий, мастеров декоративно-прикладного искусства. Вторая половина этого месяца также отмечена здесь смотрами академических хоров, народных театров, дискотек.

В Челябинске фестиваль начался со встречи 34 семейных ансамблей из 11 городов и поселков области, затем продолжился фестивалем театров «Карусель-88» и слетом агитационно-художественных бригад.

В столице Удмуртской АССР он стартовал республиканским конкурсом «Играй, гармонь». А в Латвии, в столичном Дворце культуры профсоюзом, его торжественно открыл заместитель председателя Совета Министров республики А. Барткович. Собрание завершилось большим праздничным концертом.

Перед Днем Победы рижское телевидение показало специальную передачу, в которой о задачах и перспективах Третьего Всесоюзного фестиваля народного творчества рассказал телезрителям министр культуры республики Я. Баркан. 9 мая как и везде, на улицах Риги звучала духовая музыка. Впечатляюще выглядела сводная колонна из 25 оркестров, сопровождаемая ветеранами войны, молодежью.

К наиболее интересным событиям прошедших летних месяцев я бы отнесла зональные туры любительских театров и зарубежных ансамблей в Гродно «Рампа дружбы», праздник хоров в Эстонии, международный фестиваль балетных танцев, конкурс и фестиваль польской песни в Витебске. В августе в Москве откроется Первый международный фестиваль фольклора.

Немало нового обещает ближайшее полугодие. Но ощущается, что не научились мы еще совместно работать. Организаторов, учреждений много, а действуем разпыленно. Объединить, сплотить все силы в интересах развития и популяризации народного творчества — к этому направлены сегодня стремления оргкомитета.

Третий Всесоюзный, надеюсь, сбалансирует сохраняющуюся пока диспропорцию в самодеятельных жанрах по союзным республикам и регионам страны. Одно из средств достижения этой цели мы видим в межреспубликанском обмене творческими коллективами, выставками, фольклорными праздниками. За последние годы по ряду причин ослабла связь между городами, областями, краями, что привело к определенной самоизоляции национальных культур, появлению тенденции национальной обособленности, искусственному сокращению взаимообогащения самодеятельного искусства. А в результате образовались бреши в интернациональном воспитании молодежи.

Не удалось создать интересного досуга в клубах и спортивных учреждениях сел, малых рабочих поселков и городов. Оргкомитет прилагает все силы, чтобы избежать прошлых ошибок.

Таким образом, дело сейчас за работой как в центре, так и на местах. И она разворачивается, обеспечивая крутой подъем народного творчества по всей стране. К этому сегодня есть все предпосылки. Период коренных преобразований в стране создает и новые возможности для развития массового творчества. Фестиваль начался в период подготовки к XIX Всесоюзной партийной конференции, к 70-летию Ленинского комсомола и широко развернется к 120-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, к XXVIII съезду партии, что придает ему особую силу и общественно-политическую значимость.

Какая музыка была!..

В. ХАЛОНЕН

Даже случайный прохожий, оказавшийся около десяти часов утра 5 мая этого года у ДКиТ ГПЗ-1, мог безошибочно определить, что здесь будет праздник духовой музыки. У входа во Дворец культуры тут и там стояли группы музыкантов с инструментами в руках, а площадка перед зданием заполнялась «Икарусами», подвожившими все новые и новые коллективы. Один оркестр уже исполнял свою программу. Окруженный зрителями, фотокорреспондентами и работниками телевидения, он не был виден на расстоянии, и только по восточному колориту звучащей композиции можно было предположить, что он откуда-то из Средней Азии. Впрочем, вплетенная в фантазию на народные темы хорошо известная песня «Учкудук» подсказывала: он, вероятно, из Узбекистана.

Тот, кому удалось протиснуться сквозь плотные ряды слушателей, увидел бы совсем еще юных музыкантов. Но вот звенит звонок, приглашающий в зрительный зал, где сейчас и начнется Всесоюзный конкурс духовых оркестров. Очевидно, мы встретимся с этими ребятами в конкурсной программе и тогда узнаем точнее откуда они приехали. Не будем опережать событий. Послешим во Дворец.

В фойе слышится разноязыкая речь, и не только народов наших союзных республик, но и немецкая, венгерская... В конкурсе принимают участие коллективы из ГДР, Венгрии, Польши, Чехословакии и Болгарии.

На сцене просмотрового зала уже расположился первый конкурсант — это народный самодельный духовой оркестр ДК города Луцка Волынской об-

ласти. Справа от него, на специальном столике, призы, ожидающие своих лауреатов. Все готово к началу. Председатель жюри генерал-майор Михайлов представляет его членов: видных музыкантов, композиторов, педагогов... Пожелав успехов артистам-любителям, он напоминает, что такой конкурс проводится впервые, им открывается Всесоюзный праздник духовой музыки. Ведущие представляют коллектив, начинающий программу обязательным произведением «Время, вперед!» Г. Свиридова. Взмах дирижерской палочки, и...

Так начался трехдневный марафон задорной, зажигательной, оптимистичной, победной музыки. Оркестры сменяли друг друга. Всего их оказалось двадцать шесть. Представляя свою республику, каждый исполнял произведение, построенное на национальных интонациях, будь то фантазия на народные темы или сочинение профессионального композитора. И такой номер, как правило, был самым интересным и ярким. У духового оркестра ДКИТ Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината города Рудного Кустанайской области — это «Праздничное шествие» Д. Ботбаева, у коллектива из Ходжентского РДК — «Фантазия на темы таджикских народных песен» З. Нишанова. Студенты Ташкентского института культуры с таким задором играли прелюдию и фугу «Свадебная» Т. Курбанова, что даже член жюри Д. Браславский не удержался и хлопал вместе со зрителями в такт музыке. Дирижер детского духового оркестра «Арабкир» РДК Еревана П. Жамкочян настолько загорелся темпераментом лезгинки из балета «Гаяне» А. Хачатуряна, что ноги его так и норовили пуститься в пляс. Этому дирижеру достались особо бурные аплодисменты. А танцевальная сюита «Дружба» Г. Ахиняна у того же оркестра — пример неукротимого фейерверка стремительных ритмов.

Практически ни один оркестр не обошел вниманием музыку какой-либо другой из союзных республик. Например, в исполнении духового оркестра ДК «Родина» из подмосковного города Химки прозвучало скерцо-экспромт для трубы В. Газаряна. Коллектив ДК «Юбилейный» шахты имени 60-летия УССР показал фантазию на темы песен А. Пахмутовой «И вновь продолжается бой», а народный духовой оркестр ДК ПО «Бобруйск-древ» из Белоруссии включил в конкурсную программу молдавскую песню «Жаворонок».

Вообще, многонациональность репертуара — характерная особенность всего конкурса. И все же приоритет в этом плане принадлежал оркестрам ДК имени Лихачева из Москвы и ДК имени Газа из Ленинграда, а также гостям из-за рубежа. Немецкие друзья из города Люббе-нау за лучшее воплощение интернациональной темы награждены специальным дипломом и призом журнала «Клуб и художественная самодеятельность».

...На конкурсах музыканты показывают свое мастерство, зритель их слушает, жюри оценивает. Это праздник и для первых, и для вторых, и для третьих. В такой момент забываются даже трудноразрешимые проблемы жанра. Но одна из них невольно вспомнилась автору этих строк после выступления духового оркестра чехословацкого предприятия «Амати», весь состав которого играл на инструментах своей фирмы, по качеству не уступающих мировым стандартам. В результате коллектив настолько уникален по тембровой окраске, точности музыкального строя (не говоря о мастерстве его участников), что по окончании программы строгое жюри не удержалось от проявления эмоций и приветствовало гостей вместе со всеми дружными продолжительными аплодисментами, а в моем журналистском блок-

ноте появилась запись: «Класс! Вот как должен звучать духовой оркестр!»

Конкурс собрал лучшие коллективы, возможности которых достаточно известны, так что каких-либо неожиданностей, сенсаций не ожидалось. Правда, весьма любопытной оказалась программа студенческого духового оркестра Рижского политехнического института, руководители которого позаботились не только о том, чтобы она хорошо прозвучала, но и о том, чтобы она, как сейчас модно говорить, «смотрелась». После первых двух номеров стулья со сцены убраны — и зритель увидел картинку народного гуляния с игрищами и пением, танцами девушек, одетых в национальные костюмы. В заключительном номере рижане продемонстрировали прекрасное владение искусством «дефиле» — построены различные фигуры в движении с одновременной игрой на инструментах.

И все же сенсация состоялась. Когда конкурсные программы завершились, на сцене появились те самые молодые музыканты, что в первый день мы увидели у входа во Дворец. Этот коллектив не был заявлен на участие в конкурсе, и видимо, его руководители попросили прослушать ребят в порядке исключения. Они оказались из Ташкентской специализированной музыкальной школы-интерната, то есть трудновоспитуемые, дети с нелегкой судьбой. Как играли эти узбекские мальчики и девочки! Такое надо только смотреть и слушать! Сердца членов жюри были покорены, и оркестр стал не только лауреатом конкурса, но и полноправным участником заключительного концерта, состоявшегося в универсальном спортивном зале «Дружба» в Лужниках.

Так блестяще завершилась сюита Всесоюзного конкурса духовой музыки в Москве.

О детских кружках, обывателях и «бдительности»

В нашем журнале [1987, № 10] было опубликовано письмо родителей, дети которых занимаются в кружках клуба при ДЭЗе № 14 Фрунзенского района г. Москвы.

Речь в письме, в частности, шла о том, что проблемами клуба (а их немало) не интересуются ни руководство ДЭЗа, ни отдел культуры, ребята и педагоги предоставлены сами себе.

Официального ответа на публикацию мы не получили. В то же время, как сообщили нам авторы письма, положение детского клуба стало критическим.

В сложившейся ситуации мы попросили разобраться нашего корреспондента.

Представьте себе, что учитель... ну, скажем, физики, допоздна задержался в опустевшей школе. Он готовит к демонстрации опыт для завтрашнего урока: собирает сложную электрическую цепь, расставляет приборы, думает, улучшает, переделывает...

Вдруг к нему вторгаются с милицией, обвиняют в использовании школы «для проживания», требуют открыть запертые классы, роятся в учебных пособиях, в вещах, оставленных ушедшими домой педагогами. Обнаружив самодельный макет или плакат, пишут во все инстанции рапорты о незаконном кустарном промысле. Или, ничего не обнаружив, все равно пишут что бог на душу положит.

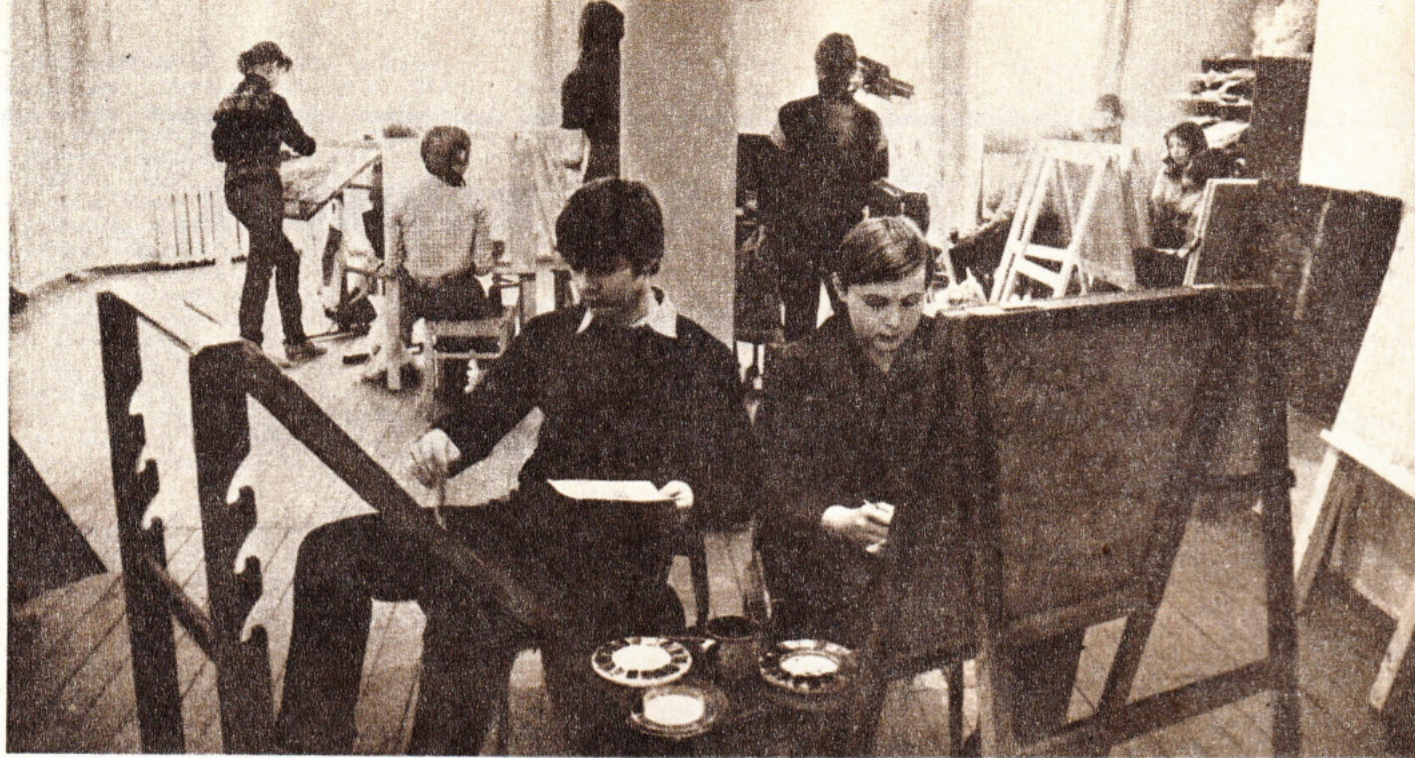
Увы, это не выдумка. Речь, правда, идет не о школе, а о детских кружках. Но разве это меняет дело? Ведь к детству, к милым, невероятно важным и серьезным ребячьим делам в народе нашем все порядочные люди во все времена относились нежно, благоговейно. Достаточно хотя бы Некрасова вспомнить: «Я замер: коснулось души умиление...»

Умиление перед ребенком, неловкими пальчиками лепящим или рисующим по-своему, по-детски видимый мир, наверное, и дает силы работать в таких условиях молодым художникам Наталье Михайловой, Алексею Исаеву и Татьяне Кривдиной. Несмотря ни на что, дело свое они не оставляют, считают его нужным и благодарным.

К тому же шестьдесят детей, посещающих кружки, это — покой и радость ста двадцати мамам и папам и скольким еще бабушкам и дедушкам! Нехитрая арифметика показывает, что труд молодых педагогов необходим очень и очень многим.

...Идет занятие. Вот мальчишка отщипывает кусочек влажной глины, лепит из него плоский овал, задумывается: что же это будет? Алексей Николаевич Исаев, склонившись к нему, напояет:

— С фаянсом, Артем, надо работать решительно и быстро. Еще не взяв глину в руки, ты уже должен видеть то, что хочешь сделать. Стоит материалу чуть пересохнуть — и он перестанет подчиняться твоим пальцам.

Артем задумывается: глаза его словно смотрят куда-то в себя, что-то ищут там, внутри. Так у детей рождается и совершенствуется самое человеческое свойство нашего зрения. Свойство, которым восхищался еще философ Фихте: ведь глаз человека в отличие от всех других животных видит «не только то, что есть, но и то, что будет». Архитектор видит несуществующий дом, шахматист — доску, какой она будет через пять ходов, токарь в грубой болванке — готовую деталь...

Мальчишка, укрыв размятый овал влажной тряпкой, рисует на бумаге эскиз того, чего еще нет, что через полчаса станет бесцветным рельефом. Потом покроется неяркими солями металлов, а они снова исчезнут под слоем влажной глазури. Затем, прокалившись в муфельной печи, миниатюра станет звонким медальоном, вспыхнет ярчайшей синевой, изумрудной зеленью, янтарной желтизной.

Тем временем в соседнем классе у Натальи Евгеньевны Михайловой ребята с таким же восторгом постигают чудо положенных рядом дополнительных цветов, заставляя оживать на бумаге краснощекого клоуна, открывают тайну голубизны теней на снегу в солнечный день. Ведь акварель подобна фаянсу уже тем, что нужный цвет на будущий рисунок надо уметь видеть заранее, уметь «взять» его сразу: поправок эта техника тоже не терпит.

Кажется совершенно невероятным, что могут быть на свете люди, пытаются все это «закрыть», «запретить». Но, увы, они есть. В этом я убедился на собрании домового общественного, где должен был решиться вопрос о существовании кружков. Получасовая речь добровольного прокурора Лидии Сергеевны Волковой произвела впечатление невероятной тягостное. Она читала ее по длинному, как древний папирус, затрепанному листу, представлявшему со-

бой нечто вроде досье о «преступлениях» педагогов за пять с лишним лет. Такого-то года, дня, в такой-то час «Наташка бегала в кафе, значит, жила здесь». Тогда-то и тогда-то в квартирах подъезда ощущался запах жареной картошки, значит, в студии жили.

Странное дело, но никому не приходило в голову, что если человек «бегает в кафе», то это значит, что он как раз не живет на работе и не имеет возможности жарить там картошку!

Другим гонителем оказался живущий наверху Сергей Андреевич Кузнецов. Уверен, что не по злой своей воле. Недавно он при трагических обстоятельствах потерял семью, оказался один-одинешенек в обезлюдившей квартире. Волкова и прочие «общественники», которые живут в других подъездах и даже домах, стали убеждать тяжело больного инвалида войны, что каждый звук и запах, проникающий к нему от рисующих и лепящих детей, вреден и что «Наташка с Лешкой» рано или поздно непременно сожгут дом. Похоже, что, кроме Волковой, общаться Сергею Андреевичу было не с кем.

Но то, что психологически объяснимо для больного инвалида, совершенно непристительно для пышущего молодостью и здоровьем участкового инспектора. Несколько раз он пытался обнаружить в студии ночующих педагогов, открывая дверь хранящимся в ДЭЗе ключом, но его неизменно постигало разочарование. В конце концов милицееское рвение было вознаграждено. Не ночью, а среди бела дня удалось лейтенанту обнаружить то, что он радостно счел криминалом:

— Однажды мы пришли с товарищем Волковой с целью проверки кружка керамики. Занятий там не было. Дверь в класс лепки нам открыла занимавшаяся с детьми рисованием товарищ Михайлова. Кроме детских работ, в классе Исаева мы обнаружили вполне профессиональные изделия явно взрослого происхождения. Но ведь для того чтобы заниматься кустарной работой, нужен соответствующий документ! И Михайлова проговорила, что такой доку-

мент у ее коллеги есть! А это значит, — заключил одержимый бесом дедукции лейтенант, — что Исаев использует помещение ДЭЗа для личного обогащения!

Пожалуй, такая логика озадачила бы не только простоватого доктора Ватсона, но и самого создателя дедуктивного метода великого сыщика Шерлока Холмса. Мне Алексей Николаевич Исаев тоже «проговорился», что у него есть «соответствующий документ». Это была справка райфинотдела о том, что ему разрешено вести занятия в самоocupаемом кружке, взимая с родителей за обучение каждого ребенка пять рублей в месяц. В группе у него десять человек, «обогащается» Исаев «за счет ДЭЗа» ежемесячно на 50 рублей, пять из которых выплачивает государству в виде налога.

— Профессиональные работы? Конечно, есть. Вот игрушки вятских и дымковских мастеров. Сам их искал, ездил за ними, выбирал, покупал. Есть и мои работы. А как же без них? Ведь это учебные пособия. Правда, собственных моих работ мало, глину-то мне приходится экономить. Ведь материал мне, «самоocupаемому», никто не дает; хожу по художественным училищам, у друзей выпрашиваю...

...На занятиях кружков я побывал не раз и не два. И, право, уже не только по заданию редакции: меня, как магнитом, тянуло к детям, к педагогам. Так в сырую осеннюю ночь тянет к костру, который развели на опушке у реки старые добрые друзья, чтобы посидеть всем вместе, погреться, попеть, поговорить.

Честное слово, материала бы тут хватило не на один «полнометражный» очерк и о педагогах, и о ребятах. Как хотелось бы написать о сувенирном кружке Татьяны Кривдиной, о том, что студии Наташи Михайловой блестяще выдерживают серьезные профессиональные экзамены в художественные училища; о том, как все они вместе ходят на выставки, в музеи, в театры.

Но приходится — не об этом. Я вновь должен вернуться к собранию жильцов, к «обличениям» Лидии Сергеевны Вол-

ковой и других добровольных гонителей студии.

Почему? Зачем?

Потому что разобраться в психологии волковых сейчас нужнее, к сожалению, чем любоваться детскими рисунками. Иначе детский клуб может вообще прекратить свое существование.

Я долго думал: чем же на самом деле так «докучают» кружки некоторым «представителям общественности»? И понял, кажется, следующее: уж очень непонятно, наверное, рядовому обывателю то, что происходит на первом этаже его дома — в детском клубе. Ребята и взрослые с упоением занимаются творчеством, фантазируют, погружаются в мир искусства. Педагоги же, совсем немного получая за свой труд, на это ничуть не сетуют, так как, очевидно, совсем в ином видят смысл своей деятельности.

«Самое страшное — это когда мой ближний имеет больше, чем я» — так сформулировал на страницах газеты «Московские новости» квинтэссенцию обывательской психологии сатирик Александр Иванов. Мне же кажется, точнее будет иначе: «Самое страшное — когда мой ближний на меня не похож». «Непохожих на меня, тем более лучших, чем я, быть не может» — таков, по-видимому, ход подобных рассуждений. «Я — норма, а воспитан на призывах к бдительности 30-х годов. Ишь ты, богема проклятая, у моего родного ДЭЗа какие хоромы отхватили! И соврять-то они толком не умеют. «Детский взгляд на мир!»», «Выставка в Канаде!». Лепят, поди, подлецы, по ночам глиняные свистульки да у метро продают, деньги лопатой гребут... Ну, покажу я им! Досье заведу, тонну жалоб напишу! Я ведь — бдительный!..»

Призывы к бдительности я помню хорошо. Такое уже было тогда, в 30-е, когда бдительностью называли подлую подозрительность, воскресившую пародийный афоризм: «Бди!», автором которого, как известно, был служащий пробирной палатки Козьма Прутков.

«Бди, и все, что тебе не понятно, считай вредительством, идеологической диверсией, грабежом и вообще чем угодно». Ох, как, наверное, долго не удастся нам вывести это ютящееся в убогом мозгу обывателя «бди!». Ох, поскорее бы выбросить пресловутую бдительность на свалку и вспомнить, что хороший человек — доверчив!

Ну, ладно, оставим в покое «бдящую» домовую «общественность». В конце концов забота о развитии детских кружков и клубов по месту жительства — дело не обывательское, а государственное, и сейчас, в ходе развития школьной реформы, разработки программ по эстетическому воспитанию подростков, важное вдвойне.

И вот я в отделе культуры Фрунзенского райисполкома. Светлана Михайловна Бордюк, заведующая отделом, более всего озабочена тем, под чьей «эгидой» происходит то, что она назвала «педагогическим экспериментом» при ДЭЗ-14 и что, попросту говоря, было работой трех разных кружков под одной крышей.

Еще в отделе культуры были озабочены тем, что кружок керамики не состоял у них на учете, а значит, как считают работники отдела, в качестве «незарегистрированного» подлежит закрытию.

— Откуда мне-то было знать это ваше правило? — взмолился вызванный

«на ковер» Алексей Николаевич. — Мне ведь этого никто не говорит!

— Что же, мы, по-вашему, должны ходить по всему району и каждого персонально оповещать? — не без иронии ответил инструктор Филатов.

— Да вам достаточно позвонить в райфинотдел, куда самоокупаемые кружки платят налог!

— Еще чего! Нам гораздо проще позвонить в милицию и потребовать, чтобы всю вашу партизанщину пресекли.

Ни методической, ни материальной помощи отдел культуры самоокупаемому кружку да и всему детскому клубу при ДЭЗ-14 никогда не оказывал, от «бдящих» Волковых его не защищал и пока что не собирается.

Но зачем же тогда постановка на учет? Может, он нужен как гарантия от проникновения в работу с детьми «чуждой идеологии» или еще какой-нибудь «крамолы»? Но ведь ни один работник отдела культуры не удосужился побывать хотя бы на одном занятии кружка лепки или мягкой игрушки! Неужели сам по себе факт «состояния на учете» является достаточной гарантией от предполагаемой «крамолы»? Да в конце концов, не пора ли и боязнь «крамолы» вместе с «бдительностью» образца конца 30-х годов выместить на свалку? Ведь у занимающихся в кружках детей есть родители — зрелые, умные, честные советские люди. Никто из них никогда не говорил, что Исаев, или Кривдина, или Михайлова учат их детей плохому. Наоборот, вместе с молодыми педагогами они отважно борются за свой клуб, не раз обращались за помощью (правда, безрезультатно) в тот же отдел культуры. Неужели их добрые слова о руководителях кружков ничего не стоят? (Я уже не говорю о выступлении журнала, которое для отдела культуры тоже оказалось ничего не значащим.) Так и вспоминаются слова К. Маркса: «Ум и добрая воля общества признаются неспособными даже на самые простые вещи, зато по отношению к чиновникам даже невозможное признается возможным».

Отдел культуры не помог достать кружку ни одного кусочка глины; ни один работник не побывал ни на одном занятии. Но зато т. Бордюк знала о руководителе кружка Исаеве все «порочащие» сведения, как-то: он холост, у него нет высшего образования, у него не московская, а подмосковная прописка... И опять вспомнилось мне сакральное прутковское: «Бди!» Долго ли еще будет оно служить для нас указующим перстом?!

... Помню, как мне захотелось на том же собрании жильцов низко поклониться председателю совета ветеранов Петру Порфирьевичу Славскому, его друзьям, коммунистам и бывшим фронтовикам, которые вставали и говорили:

— Да что это с нами случилось, люди добрые? С коих пор нам дети мешать стали? Ведь для того мы и воевали, чтобы дети наши смеялись, кричали, играли, рисовали. А они нас, как бармалева, бояться стали! Детскую площадку во дворе из-за жалоб на шум разломали, каток заливать запретили, теперь вот из студии мы их выгнать собрались, а куда они денутся?..

Утомлять читателя изложением всех прений не буду. Скажу только, что нормальная человеческая точка зрения на том собрании победила, хотя и не очень надолго. Засмутился и заторопился до-

мой Сергей Андреевич Кузнецов. Спрятала досье и приумолкла сама т. Волкова. К тому же оказалось, что собрание было созвано совсем по другому поводу: очень хотел выступить перед жильцами работник уголовного розыска. Кражливый человек в штатском сетовал, что не лучшим образом обстоят дела в данном районе с правонарушениями, что бывают здесь и кражи, и угоны машин. Да и борьба с наркоманией не на высоте.

— Недавно мы обнаружили на одной лестничной площадке шприц и ампулы. Кто их там прятал, найти не удалось. Бывает также, что несовершеннолетние лица предъявляют поддельные рецепты в аптеке. Особенно плохи дела в ПТУ и соседней школе. Я призываю общественность, заметив подозрительное поведение подростков, немедленно сообщать об этом нам по телефону. К сожалению, пока таких звонков нет, будто нам не хотят помочь спасти от пагубной привычки молодежь!

А мне не поверилось в искренность такого желания даже и самой милиции. Иначе взяла бы она под защиту и детские кружки, и педагогов; одергивала бы кляузников, а не совершала бы вместе с ними напоминающие налеты «инспекторские проверки» кружков; постыдилась бы участковый инспектор «оттянуть» в свою пользу одну из комнат, выделенных исполкомом для работы с детьми...

Овладение человеческой культурой — не это ли противоядие от бездуховности, ищущей суррогаты «счастья» в бутылке спиртного или одуряющем снадобье. И не потому ли, что не очень-то доступен путь к настоящей высоте, прячется молодежь на лестничных клетках со шприцем или «бормотухой»? Благо, там их никто не трогает, не «сигнализирует». И что будет лет через пять с сегодняшними кружковцами, если усилениями «общественности» и при попустительстве отдела культуры их все же лишат возможности рисовать, лепить, ходить в музеи с хорошими педагогами, дружить, вместе радоваться красоте и создавать ее?

Запомнилось мне еще из того собрания выступление одного солидного мужчины. Ветерану войны, пристыдившему взрослых за попытки выселить детей, он тоном резонера из старинной комедии сказал: «Все это демагогия, дом построен для жильцов, а не для детских кружков».

Тогда я страшно возмутился, но сейчас, поразмыслив, понял, что у резонера был свой «резон». Ведь для того, чтобы выселить из дома пьяницу и дебошира, действительно отравляющего жизнь многим людям, нужно решение суда, получить которое вовсе не так уж просто и легко. А до этого заведомый хулиган вправо и на порог к себе никого не пускать без санкции прокурора: против закона о неприкосновенности жилища даже сама т. Волкова бессильна. Детские же кружки и педагогов никакой закон не охраняет, а уж если часть их помещения понравилась самой милиции, то дела их действительно плохи.

Явно какая-то промашка получилась у законодателей. Но ведь разве все предусмотреть? Может, надеялись они на некрасовское «умиленье души» перед детьми? На элементарную человеческую совесть?

Увы, получается, что рановато на нее надеяться...

На Всесоюзной встрече организаторов подростковых клубов, проводившейся Всесоюзным добровольным физкультурно-спортивным обществом профсоюзов совместно с ЦК ВЛКСМ в январе этого года, говорилось о том, что 16 тысяч детских и подростковых клубов должны быть созданы в нашей стране к 1990 году. Были названы и другие, не менее впечатляющие цифры. ВЦСПС выделил для подростковых клубов три с половиной тысячи штатных единиц.

В. ЕРЕМИН,
наш спец. корр.

Шаг навстречу

Организаторы и участники не скрывали удовлетворения. Наконец-то работа с подростками, десятилетиями пребывавшая в загоне, получила кадровую, материальную, финансовую и юридическую базу. Теперь только работать и работать.

Из выступления директора подросткового клуба объединения «Запорожтрансформатор» Д. Яцука: «Начал я организовывать клуб в 1979 году. Решили обосноваться в старой котельной. Через полтора года оборудовали один зал с плавательным бассейном. Через год — еще один. Сегодня клуб выглядит так: шесть залов с плавательными бассейнами, тир, пять технических клубов, три сауны, медблок для массажа, методкабинет.

Нашей болевой точкой были штаты. Кто пойдет работать за 100 рублей? Люди с высокой квалификацией не шли. Что делать? Перевели группы на самокупаемость. Сегодня работать у нас даже престижно. Коллектив стабильный: 29 тренеров, 70 преподавателей технических кружков. Главный массажист — кандидат медицинских наук.

Может быть, это не совсем правильно — брать за занятия деньги. Но другого выхода пока нет. Сегодня самокупаемая группа в 20 человек приносит клубу доход около 80 рублей в месяц. А мы создали еще 30 групп здоровья для взрослых. Там занимаются модной у-шу. Плата — 5 рублей в месяц. Каждая из этих групп дает клубу доход 200 рублей в месяц.

Открыли 12 филиалов при школах. В каждом — около 300 ребят. Берем детей с четырех лет, чтобы занятия физической культурой стали для них органической потребностью с раннего детства. Удивляет только, что директора школ приняли идею филиалов в штыки.

Из выступления директора клуба юных авиаторов (г. Рига) В. Талпа: «Клубу скоро исполнится 20 лет. У нас 12 самолетов разных типов. Локаторы, радиостанции. Наши бывшие воспитанники — теперь командиры кораблей, эскадрилий.

Все лето ребята работают на предприятиях Латвийского управления гражданской авиации: в бригадах регистрации пассажиров вместе с основным составом готовят к вылету самолеты.

Клуб дает ребятам ориентацию на три летные профессии. Мы предложили Министерству просвещения Латвийской ССР считать наш клуб на правах учебно-производственного комбината и оплачивать работу преподавателей нашего клуба».

Из выступления руководительницы клуба «Калейдоскоп» (г. Киров) Н. Ката-

евой: «Я приехала с мужем из Пскова — он тренер. Взяли нас на работу на домостроительный комбинат. Директор там прогрессивный. Дал нам квартиру, но с условием, чтобы наш клуб стал лучшим в городе. «Трудных» ребят было больше половины. Хорошо, что сразу поняла: надо чтобы те, кто выламывает двери в клубе, почувствовали себя в нем хозяевами. Ребята своими руками отремонтировали клуб. Летом помогали подсобному хозяйству комбината на сенокосе. Подростки ценят клуб только тогда, когда многое делают в нем сами».

Д. Яцук пожаловался, что ему до сих пор приходится «выступать в роли просителя», «выколачивать» то, что — с учетом важности работы с подростками — должно выделяться по первому требованию.

Секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии М. Подгайнов взволнованно говорит, что «таким энтузиастам, как Евгений Крапивный (клуб «Юный десантник») и Анатолий Рачков (клуб «Доблесть»), нужно платить не менее 300 рублей в месяц, так как они сберегают нам миллионы». Не только миллионы, добавим от себя. Прежде всего спасают детские души, а это не измеришь никакими суммами.

Москвичка Э. А. Котова сделала самое простое и самое сложное. Она предложила собиравшимся в ее подъезде и досаждавшим жильцам подросткам организоваться в клуб. Компания была вконец разболтанная. Тем больше удача и заслуга Котовой: сумела сагитировать ребят на самое трудное — на труд. Нашли не очень приглядное подвальное помещение. «Работали много, с энтузиазмом, навели порядок, а нас после этого домоуправление стало выселять. Битва за жизнь идет, а не работа».

Отмечу, что Котова работает с подростками на общественных началах.

Слушал и думал: сколько же это будет продолжаться? О том, что ребята комиссары ходят с протянутой рукой, говорилось еще в 60-х годах. Со всех трибун твердили о необходимости поднять престиж воспитательной работы по месту жительства, привлечь к этому специфическому делу способных людей, а для этого прежде всего повысить ставки, заработную плату. О том же писали газеты. Проходят годы, десятилетия — но мало что меняется. И только диву даешься, откуда еще берутся энтузиасты!

С 1 сентября 1987 года повышены ставки педагогам-организаторам. Но, как говорилось на встрече, нашлись в иных городах руководители комму-

нального хозяйства, которые до сих пор скрывают этот юридический акт, и педагоги-организаторы по-прежнему получают те же крохи, что и раньше.

Здесь самое время сказать еще об одной стороне работы подростковых организаторов. Их мало, и они изолированы друг от друга — не с кем посоветоваться, продумать то, что делаешь. А это так важно — отстраниться от обычного интуитивно-импровизационного отношения к делу и осмыслить его.

Последние два десятилетия не только не улучшили положение клубов и их организаторов. Эти годы оказались пустыми и в методико-теоретическом плане. Ничего удивительного: можно по пальцам пересчитать по-настоящему способных и талантливых воспитателей, кто проработал с подростками больше пяти лет, когда только начинает приходить опыт, достаточный для выводов и обобщений. И можно смело сказать: если мы и сегодня не поднимем престиж работы по месту жительства практически, вакантные ставки организаторов подростковых клубов займут люди случайные, мало пригодные или попросту вредные для этой работы.

Э то произошло на второй день встречи. К трибуне вышел симпатичный мужчина. В руке он держал спортивную сумку. «Сейчас я вам покажу, — эффектно сказал мужчина, — во что одевает детей, занимающихся спортом, наша легкая промышленность». Он поднимал над головой то хоккейную блузу, то штаны, то перчатки. Бросал на пол и доставал из сумки другие доспехи. «Разве можно с таким инвентарем воспитывать настоящих, жестких парней?» — вопрошал мужчина. Сидящие в зале испытывали чувство неловкости: издержки промышленности могли вызвать сожаление, обеспокоенность, но никак не развязанность, пижонство под маской праведного гнева.

Демонстративно швырявший на пол спортивную амуницию оратор продемонстрировал не только плохое качество спортивной одежды, но и показал, как не хватает нам по-настоящему intelligentных тренеров, руководителей кружков и клубов, способных воспитывать не только спортивные, но в первую очередь человеческие качества, то есть воспитывать добрых, честных, порядочных, трудолюбивых, но не «жестких» парней.

Глядя на него, я вспомнил встречу с одним руководителем подросткового клуба. Этот 26-летний парень обзавелся всеми атрибутами служебной солидности. Он писал приказы, причем не от руки — на машинке. Солидно. И заверял

их круглой печатью, которая выдается обычно клубу, имеющему свой расчетный счет, а никакого счета у этого клуба не было.

26-летний парень — в клубе он назывался командиром — вовсю играл в командирство. Можно было бы отнестись к этому как к временному увлечению. Но спустя два года я снова встретился с ним в клубе. Комнаты пусты. Запах плесени...

Хорошему педагогу по роду профессии положено вносить в жизнь детского коллектива игру. Это педагогическая аксиома. Но в этих двух примерах видны совсем другие, взрослые игры.

Мы твердим: подростки стали другими. Их не сравнить с теми, которые были в 60-х 70-х годах.

А воспитатели?

«Не каждого человека можно допускать к подросткам», — говорили участники встречи. Но как определить: годен или не годен?

Ничего страшного, на мой взгляд, если должность руководителя подросткового клуба где-то (а может быть, везде) делается выборной.

Чтобы поскорее и надежнее подчинить себе ребят, нужно подчиниться им, зависеть от их коллективного мнения, стать их ставленником, близким человеком.

Выборность вполне согласуется с главной позицией воспитателя по отношению к подросткам: ничего им не навязывать, в том числе и самого себя. Ведь одна из главных черт современности — простота и демократизм.

Даже в военно-патриотических клубах, где жизнь строится почти по армейскому образцу и где все основывается на приказе и подчинении, должность руководителя клуба можно сделать выборной. Это лучший способ предохранить воспитателей от увлечения командирством, диктатом, наказаниями, отчислениями.

Я немало встречался с руководителями клубов по месту жительства. И всегда интересовался их отношением к А. Макаренко, В. Сухомлинскому. В большинстве случаев выяснялось, что не читали, и говорили об этом со смехом, с иронией.

Все, мол, некогда, да и зачем?

Потом я научился по самой работе клуба определять, знает ли руководитель работы выдающихся педагогов.

Антон Семенович говорил, что воспитание — гимнастика поведения. То есть жизнь клуба должна состоять из системы «упражнений», вырабатывающих у подростков определенные качества.

Узнаю, что клуб бывает в походе раз в год. Это означает, что ребята не упражняются в выносливости, взаимопомощи. У них нет самоуважения к другим, появляющегося в процессе перенесенных испытаний. Они не приучены беречь живую природу. Когда клуб выходит в поход столь редко, возбужденные природой подростки, как правило, ведут себя так, словно в них вселился бес...

Узнаю, что другой клуб, существующий уже несколько лет, не имеет своего устава. А что такое устав? Это краткое описание организационной модели клуба. Если нет устава, нет и модели. А ес-

ли нет модели, нет организованной системы воздействия коллектива на каждого отдельного подростка...

Не встречал руководителя клуба, который строил бы работу строго по Макаренко. Зато частенько видел таких, кто, не прочтя у Макаренко ни строчки, был непоколебимо уверен, что подростку сейчас требуются какие-то особенные подходы, не те, которыегодились в 20-х годах, что опыт Макаренко неприменим для клубной педагогики по месту жительства.

Поразительная смесь невежества, неблагодарности и фанатизма. «Почитаем», — сказал мне «командир» клуба, который любил держать на своем столе круглую печать. Но так и не открыл Макаренко.

А в стране уже шла перестройка. Наследие выдающегося педагога приобретало особенную актуальность. Ибо квинтэссенция его опыта — обучение детей самоуправлению, а следовательно, гласности и демократии. «У меня 500 личностей», — писал Макаренко, хотя мог бы написать: 500 ребят. Он воспитывал личность. А это как раз то, что больше всего нужно стране в эпоху перестройки.

На встрече подчеркивалось: новым подростковым клубам нужны 3,5 тысячи настоящих энтузиастов. Одновременно говорилось: прежде всего нужны личности.

3,5 тысячи личностей. Число кажется невероятным, хотя на самом деле оно должно быть увеличено в несколько раз. Но я верю: их можно найти. Вернее, они придут сами, если почувствуют заинтересованность общества в них и будут защищены от формалистов и бюрократов.

И пока в среде педагогов — организаторов подростковых клубов не возьмется такая армия личностей, проблемы молодежного досуга будут стоять остро.

Организаторы встречи и не скрывали озабоченности. Положение о профсоюзном подростковом клубе утверждено два года назад. А что сделано? Ораторы приводили примеры. В Кировской области вместо 20 клубов — ни одного. В Чечено-Ингушетии вместо 20 создано только 2. Если работа будет вестись такими темпами, как открыты к концу пятилетки все запланированные 16 тысяч клубов?

Назывались причины. «Застой, равнодушие и непонимание остроты негативных явлений, распространившихся в среде молодежи».

«Не оправдалась надежда на то, что воспитание по месту жительства станет заботой всех общественных институтов».

«Хотя разными ведомствами выпущено достаточное количество положений и инструкций, получилось, что у семи нянек дитя без глазу».

«Незнание на местах правовых актов, касающихся подростковых клубов, представителями коммунальных хозяйств, работниками других организаций».

«Сегодняшняя встреча показывает, что назрела необходимость выработки новых, более эффективных мер».

Никаких «новых мер», на мой взгляд, встреча не выработала. Да, видимо, и не могла: ибо осознание проблем подростковых клубов еще не означает их решения.

А решать надо, и незамедлительно.

Дорогие друзья!

У вас еще есть возможность получить по подписке последние 4—5 номеров журнала текущего года.

Эти номера, надеемся, будут вам весьма полезны. Так, в двух номерах подряд (№ 18 и 19) мы публикуем полемические заметки публициста, старейшего руководителя любительского театра из г. Ангарска Л. Беспрозванного, в которых остро, критично обрисована ситуация не только в театре, но и в любительском творчестве, в культпросветработе вообще. Заметки эти ценны тем, что в них прорисована ситуация, что называется, изнутри — целый комплекс проблем дан в свете перемен, происходящих в весьма важной сфере культуры.

О Третьем, Всесоюзном празднике славянской письменности и культуры, призванном укрепить связь поколений, культурных традиций, а на деле не сумевшим вовлечь в свою орбиту новгородскую молодежь — репортаж наших корреспондентов.

О самобытном и непростом явлении, которое в последние годы вызывает всеобщий интерес, о самодельных объединениях («неформалах»), их социальной природе, ценностных ориентациях, и о многом другом, раскрывающем суть этого движения, размышляет научный сотрудник Института экономики мировой социалистической системы АН СССР О. Румянцев.

Большая часть номера 23 будет посвящена вашим письмам, уважаемые читатели, из которых вы лучше узнаете, какими делами и заботами живут ваши коллеги из других регионов страны.

Что касается будущего, 1989 года, то цель журнала — сделать своим читателем человека на досуге. То есть помимо профессиональных организаторов досуга мы обращаемся к каждому, кто хочет более разумно распорядиться свободным временем и помочь в этом своим близким — особенно детям, друзьям.

Подписчик нашего журнала в 1989 году будет в курсе всех самых важных проблем в сфере культуры, особенно культпросветработы, экономики, политики. Вся информация вы будете получать «из первых рук», то есть страницы журнала будут предоставлены видным публицистам, известным писателям, социологам, культурологам.

Наши собственные корреспонденты, готовясь к встрече с читателем 89-го года, «наострили свои перья» и намерены отразить...саму жизнь, которая протекает в клубах, Дворцах культуры и вне их стен.

Напоминаем, что подписка принимается всеми отделениями связи, всеми общественными распространителями и органами «Союзпечати».

Но не откладывайте подписку в долгий ящик: ведомственная подписка будет проходить в ограниченные сроки, а в розничную продажу журнал не поступает.

Вкаждой республике есть своя «глубинка». И в каждой республике есть свой Ломоносов, который из этой «глубинки» выберется, преодолеет, достигнет...

Если бы пчеловоду Марте и бондарю Брониславу Цибулисам из деревни Пурлова сказали, что один из семи их детей вырастет ученым и полиглотом, владеющим 24 языками, то они бы, конечно, не поверили, а то и сочли за розыгрыш. И так над чудным латгальским диалектом частенько посмеивались горожане. Да и в школе роль преподавателя английского языка исполнял... биолог. Так что когда из района пришел запрос на участие в республиканской олимпиаде, то и посылать-то никого сначала не хотели, да вдруг случайно узнали — Юрис, тот, что из девятого, вроде весь английский словарь наизусть выучил. «Правда?» — спросили невысокого, худощавого мальчика.

У Юриса перед глазами мгновенно пронеслась долгая вереница зимних вечеров, когда он с братьями и сестрами играл в школу. Вот он «учитель», вот пишет мелком таинственные слова, вот вызывает «учеников» и распекает их на притягательном для мальчишки языке ковбоев...

«Йес», — ответил Юрис, поехал на олимпиаду и занял там... последнее место, так как грамматики не знал совсем.

Одному поражение — вечная гиря на ногах и клеймо «неудачника», другому — упругий трамплин, что, словно распрямившаяся пружина, выталкивает вперед и вверх.

Юрис вернулся с олимпиады вооруженный не только словарями, но и разговорниками, грамматиками, букварями на всех языках, которые он только обнаружил в книжном магазине.

За лето, что Юрис пас коров, он значительно расширил свои познания в английском и попутно овладел эстонским, литовским и латышью.

Спустя несколько лет юноша успешно заканчивает факультет иностранных языков Латвийского университета имени П. Стучки и снова удивляет. Юрис, знавший к тому времени с десяток языков, включая экзотический бенгальский, возвращается в родную Латгалию простым сельским учителем. Почему он это сделал, мы поймем чуть позже. Пока достаточно успокоить читателя, что он вовсе не ограничился скромным уделом. В гости к лауреату Второго Всесоюзного фестиваля народного творчества Юрису Цибулису меня привела слава о его самой крупной в стране коллекции азбук и словарей, удостоенной год назад серебряной медали ВДНХ СССР.

Право, коллекция того заслуживает. В ней около 900 азбук и букварей на 140 языках и диалектах из 63 стран мира. Самое раннее факсимильное издание — первый словенский букварь 1555 года. Самый ранний оригинал — латышский букварь 1796 года. Самый последний букварь — югагирский. Он вышел в этом году тиражом 100 экземпляров для якутской народности, насчитывающей, по переписи 1979 года, 313 человек. Впрочем, это не самая малая народность нашей страны. Энецв насчитывается вообще 18 человек. Зато у них два настолько различных диалекта, что

Среди «жемчужин коллекции» — «Новая азбука» (издания 1897 года) графа Л. Толстого, где он впервые в России сформулировал и предложил новый слуховой метод обучения грамоте, который в отличие от предыдущего — буквосоставного — убыстрял скорость обучения чтению во много раз.

Любопытна азбука для курящих — набор спичечных коробков с буквами алфавита на этикетках, «изданный» в Венесуэле. Педагоги учли, что в стране больше курящих, чем грамотных, и предложили таким способом соединить приятное (хотя и вредное) с полезным.

Согласно Книге рекордов Гиннеса самый короткий алфавит, с 11 буквами, у жителей острова Ротокас, а самый обстоятельный, из 72 букв — у кхмеров из Кампучии. Так вот, у Юриса есть два букваря — гавайский с 12 буквами и абазинский (Карачаево-Черкесская автономная область) с 71 буквой. Мировые, так сказать, вице-рекордсмены!..

Когда перед глазами проходит череда столь занимательных экспонатов, как-то забывается очень серьезная подоплека этого собрания — ведь именно благодаря ему Юрис стал полиглотом. Кроме латышского и русского и свободного владения латынью, английским, немецким, польским, эсперанто, литовским, белорусским, украинским, болгарским, эстонским, Юрис ведет переписку еще на полтора десятка языков, среди которых такие «небанальные», как сербохорватский, русинский и македонский (Югославия), верхне- и нижнелужицкие (ГДР) или, допустим, ретороманский — один из четырех государственных языков Швейцарии.

Самоучку тянет к самоучкам. Отсюда переписка и дружба Юриса с библиотекарем и переводчиком из Дании Петером Йессеном, тоже весьма неординарной личностью. Петер изучает народы Севера, по словарям самостоятельно выучил эскимосский язык и организовал в Дании выставку книг чукотских писателей.

На вопрос, каждый ли человек может стать полиглотом, Юрис отвечает сразу, видно, еще раньше размышлял над этим:

— Конечно, если человек обладает только механической памятью, ему не осилить и одного иностранного языка. А если у человека есть так называемый фонематический слух, то есть он слышит разницу в произношении и может ее воспроизвести, — он способен в принципе стать полиглотом. Это каждый третий-четвертый школьник. Почему же полиглот явление гораздо более редкое? Потому, что, помимо специального слуха, нужны хорошо развитое образное мышление, ассоциативные связи. Почему, допустим, одинаковое «кукареканье» представители разных народов слышат по-разному? Почему китайский петух кричит: «во-во», а английский: «кокил-дукил-ду»? Потому что каждый народ слышит по-своему. И видит, кстати, тоже. Пример: европейские картины поразят японца крикливой пестротой, а японский пейзаж, возможно, разочарует неподготовленного европейца бедностью и «анемичностью» красок. Все это надо не просто знать — чувствовать: при общении с людьми иной национальности, при встрече с непривычной культурой, непонятным бытом, иными взглядами. Иначе нельзя воспитать в себе терпимость, интеллигентность. Иначе рано или поздно придется к жесткому навязыванию своих взглядов, мыслей, убеждений...

Образность, ассоциативные связи мне помогала развивать межнациональная коллекция букварей, в которых слово неотъемлемо от картинки, образа. А как быть другим? Тоже собирать азбуки? На всех не хватит. Надо изменить саму систему обучения, систему получения первых школьных знаний. И это особенно важно, потому что все закладывается в юного человека до 5—7 лет. Известен эксперимент психологов. Пятилетний ребенок может легко, как родным, овладеть любым языком, оказавшись среди любого другого народа. Примерно к 7 годам эта удивительная способность атрофируется, и, увы, не без помощи нас, педагогов.

С юных лет Юриса интересует все, что связано с самоучением. Юрис считает: если человек не хочет — его ничем не заставишь. Надо его заинтересовать, сделать так, чтобы он сам захотел!

Когда я только вошла в квартиру Цибулиса — у меня глаза разбежались: над вешалкой рядом висит мини-коллекция головных уборов, на стеллажах разложены головоломки и игры, стены завешаны афишами, в которых, несмотря на незнакомый язык, сразу чувствуется односторонность подборки. Даже карандаши на письменном столе лежат по ранжиру. И спортивная обувь под вешалкой выстроилась не как-нибудь — в ниточку. Все это, казалось бы, никак не вяжется с подвизностью, раскованностью, полным отсутствием хозяйского педантизма. Быть может, дело в стремлении к упорядоченности, к некоей системности?.. Пожалуй...

Есть время накопления знаний и овестьственных примет знаний, и есть время применения знаний и экспонатов в жизни. Уже не для себя — для людей.

С такими качествами, как воля, пытливость, упорство, жажда самоутверждения, железная логика, можно стать чемпионом в избранной области. Но если к этому добавить желание помочь другим людям — добиться, познать, достичь, — то, обладая еще и такими качествами, можно стать... просветителем. И уход Юриса в провинцию становится закономерным поступком в лучших традициях интеллигентов-просветителей, полагавших, что истинное просвещение это не лозунг, а личный поступок, деяние...

Одиннадцать лет активной просветительской деятельности выразились в более чем 50 республиканских и областных выставках в музеях, школах, клубах, дворцах культуры. Замечу в скобках, что никто и никогда еще не оплатил коллекционеру хотя бы проезд, не говоря уж о плате за сотни лекций. Почему-то никому еще не пришло в голову оплатить лекции по путевкам общества «Знание» или добиться, чтобы, допустим, один-два процента от стоимости входных билетов «шли в пользу» собирателя. Доколе же мы будем испытывать бескорыстие и бюджет сельского учителя, обменивать его силы, время и личные средства всего лишь на симпатичные листки афиш?

Сейчас, к 37 годам, пришла пора осмысления. Юрис пишет книгу и диссертацию (где-то на стыке педагогики и психологии) на тему «Анализ педагогической ценности букваря в трудовом воспитании». Пусть вас не удивляют последние слова. Юрис полагает, что вся наша сознательная жизнь — это труд, и пытается с точки зрения ученого проанализировать, насколько эффективно букварь помогает ребенку делать первые трудовые шаги по изучению быта,

уклада жизни, истории, культуры, обычаев своего народа. Ведь от правильности закладки фундамента зависит крепость здания.

В результате исследования многих-многих букварей и азбук Юрис выработал нечто вроде принципов идеальной азбуки. В дни, когда вся страна отмечает День знаний, небезынтересно познакомиться с ними.

Первый принцип. В первом учебнике, с которым встречается ребенок, должно изображаться только знакомое, чтобы малыш чувствовал себя свободно. Например, в эскимосской азбуке нет изображения дерева, как нет и лесов на Крайнем Севере, а шведские саамы, живущие в полярной ночи, начинают читать по черно-белому букварю. Потом юный эскимос прочтет о джунглях и познакомится с понятием «лес», а юный саам познает многоцветность мира, но это потом...

Второй принцип. Букварь должен знакомить с культурой, этнографией, историей, фольклором — со всем, что отличает именно твой народ: одежда, быт, приветы, манеры, этикет. Если папуасы при встрече обнюхивают друг друга, чтобы узнать, кто из какого племени, то глупо было бы изобразить в словаре папуасов двух джентльменов, пожимающих руки.

Третий принцип. Букварь может быть без текста, но не может быть без картинок. Значит, создавать азбуки должен триумвират: художник — писатель или поэт — педагог. Без художника, без поэта не будет образности, а значит, не будет и настоящего знания как творческого освоения мира.

Четвертый (и последний) принцип. Как когда-то слуховой метод освоения грамоты Толстого сменил буквосоставной, так теперь настала пора совершить не меньший педагогический скачок: учить детей не только быстрее читать, но и сделать этот процесс интересным, творческим. В США, например, учитель вместе с учениками получает комплект занимательных отметок-картинок: одни пахнут ананасом или мятой, другие — со стереозвучанием, третьи изображают маленьких зверушек, восклицательных: «Отлично» или «Почеши в затылке, потом ответь»...

Я перебираю веселые калифорнийские картинки-отметки и думаю о том, что вот уже одиннадцать лет наш латыш, латгалец Юрис Цибулис осуществляет в своей учительской практике именно этот принцип, быть может, главный в обучении. И все его универсальные знания и все его разнообразные мини-коллекции головоломок, карандашей, монет, пластинок, марок тоже участвуют в этой игре, в этом свободном общении и обогащении друг друга информацией в занимательной и оттого притягательной форме. И его необычные уроки английского и немецкого, его занятия в местном клубе юных филателистов есть не что иное, как игра в школу. Школу знаний о жизни. Конечно, в ту, которой она должна в идеале стать. Или назовем эту игру иначе: Клуб Знаний.

пос. Тылжа, Балвского района Латвийской ССР

Фото Р. Приедеслайна

Поздравляем победителей

Рассмотрев итоги Всесоюзного социалистического соревнования клубных учреждений, парков культуры и отдыха, научно-методических центров и музеев Министерства культуры СССР за повышение эффективности и качества работы, успешное выполнение заданий двенадцатой пятилетки в 1987 году, коллегия Министерства культуры СССР и президиум ЦК профсоюза работников культуры признали победителями в соревновании и наградили переходящим Красным знаменем Министерства культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры и первой денежной премией:

Айшинский сельский Дом культуры Зеленодольского района Татарской АССР;

Альшеевский районный Дом культуры Башкирской АССР;

Белгород-Днестровский городской Дом культуры имени Т. Г. Шевченко Одесской области;

Городищенский центральный сельский Дом культуры Бежецкого района Калининской области;

Ералиевский районный Дом культуры Мангышлакской области;

Исфаринский городской Дом культуры Ленинабадской области;

Калининский районный Дом культуры Ташаузской области;

Кантский районный Дом культуры Киргизской ССР;

Ленинский центральный сельский Дом культуры Городецкого района Могилевской области;

Лоевский районный Дом культуры Гомельской области;

Моршанский городской Дом культуры Тамбовской области;

Пасвальский районный Дом культуры Литовской ССР;

Сисианский районный Дом культуры Армянской ССР;

Талсинский районный Дом культуры Латвийской ССР;

Ташкентский городской Дом культуры Узбекской ССР;

Тираспольский городской Дом культуры Молдавской ССР;

Хашурский районный Дом культуры Грузинской ССР;

Щекинский районный Дом культуры Азербайджанской ССР;

Шкотовский районный Дом культуры Приморского края;

Дирекцию парков культуры и отдыха Таллинского горисполкома Эстонской ССР;

Парк культуры и отдыха г. Петропавловска Северо-Казахстанской области;

Центральный парк культуры и отдыха имени М. Горького г. Винницы Винницкой области;

Центральный парк культуры и отдыха имени В. Г. Белинского г. Пензы Пензенской области;

Центральный парк культуры и отдыха имени М. Горького г. Москвы;

Всероссийский научно-методический центр народного творчества и культурно-просветительной работы имени Н. К. Крупской.

Большая группа учреждений культуры отмечена дипломами и денежными премиями.

Почетной грамотой Министерства культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры награждены наиболее отличившиеся работники культурно-просветительных учреждений.

ФАКЕЛ

Поступательное разворачивание перестройки каждый день рождает все новые и новые формы проявления социальной инициативы. Мы считаем, что ширящееся сейчас по всей стране движение самостоятельных общественных клубов — отклик на настоятельную потребность общества в обновлении его политических и общественных структур, без чего невозможна дальнейшая демократизация.

Поиск единомышленников привел нас к созданию дискуссионного общественно-политического клуба «Факел», который открылся в общежитии московского Гордорстройтреста № 1 (комсомольский секретарь треста — Герман Иванов). Члены «Факела» — историки и обществоведы, молодые активные люди разных профессий, у которых есть свои идеи, мысли, предложения. Каждому, кто приходит на заседания клуба, предоставляется возможность высказать свою точку зрения, активно включиться в работу. Царящая в клубе атмосфера доброжелательности и дискуссионности психологически раскрепощает людей, делает их внутренне свободными, и редкий человек уходит с заседания клуба, не найдя близких по духу людей, Лекции, дискуссии, обсуждения литературных и документальных произведений — таковы формы работы клуба. В ближайших наших планах — поиск и поддержка социально-ценных инициатив молодежи.

Каждое воскресенье в 12.00 «Факел» приглашает всех, кому безразлична судьба перестройки, и тех, кто устал, разочаровался, и тех, кто, наоборот, полон веры и ищет применения своей энергии.

ВРЕМЯ И СУДЬБЫ

В истории не должно быть белых пятен! — таков девиз общественного клуба «Время и судьбы» при Центральном Доме культуры медицинских работников.

Обычно о «белых пятнах» заходит речь при упоминании деятельности географов, открывающих и описывающих доселе неизвестные моря, острова, континенты, проникающих туда, где еще не ступала нога человека. У нашего де-виза другой подтекст.

Долгое время все наше общество и мы сами были больны тяжелой болезнью — амнезией — потерей памяти. Обществу, лишенному памяти, проще жить. Его не тяготят ни ошибки, ни преступления — оно просто не помнит о них. Общество, больное амнезией многие годы, десятилетия может чувствовать и сознавать себя всегда и во всем правым и безгрешным. Но это обманчивая, болезненная правда.

Сейчас мы шаг за шагом, медленно и трудно, с помощью историков и писателей начинаем выздоравливать, начинаем частица за частицей, факт за фактом восстанавливать все свое прошлое, вспоминать своих близких, прожитые нами годы и наши дела: и хорошие, и страшные. И то, что мы встали на этот путь, еще недавно казавшийся совершенно невозможным, означает, что мы наконец-то твердо решили излечиться от нравственно-исторического беспамьяства.

Искажение истории принадлежит не только нашему времени. Еще в середине XVI века, в годы опричнины, царь Иван Грозный собственноручно вносил в летописи многочисленные исправления, вычеркивал одни имена, вписывал другие, задним числом включал в летописный текст обвинения против неугодных.

Уже на нашем веку многократно переписывались — в разное время по-разному — большинство эпизодов Октябрьской революции и других важнейших, важных и даже не очень важных событий русской и советской истории XX века. Так же как во времена Ивана Грозного, одни имена вычеркивались, другие вписывались. Деяния одних приписывались другим, но в общем тенденция была одна — удалять, вычеркивать. Это очень хорошо видно при сравнении больших и малых энциклопедий, изданных в разные годы. Даже в энциклопедиях, изданных в 60—70-е годы, в которые внесены после долгого забвения имена многих людей (даты их смерти, если они падали на 37—38-й годы, оказались разбросаны на целое пятилетие, чтобы это, очевидно, не выглядело столь тягостным). Вместо живых людей в такой истории действовали лишенные человеческого тепла и как бы неживые

массы, классы, прослойки, силы, и мы уже не воспринимали эту историю как историю свою и своей страны.

Все мы знаем, что люди живы до тех пор, пока их помнят. Сейчас к нам возвращаются десятки, сотни, тысячи замечательных, ярких, талантливых и своеобразных людей и судеб. Эти люди были вычеркнуты, удалены из нашей жизни и истории. И мы в своем клубе стремимся к тому, чтобы помочь их возвращению из небытия забвения. Вместе читаем и обсуждаем неизвестные до недавнего времени документы и литературные источники, приглашаем людей, на своей судьбе или судьбе своих близких, друзей, ощутивших зигзаги истории. У нас в гостях побывала писательница и историк Евгения Александровна Таратута, несколько лет проведшая в сталинских лагерях, встречавшаяся там со многими замечательными людьми. Будучи другом писателя Василия Гроссмана, она рассказала и о трудной судьбе его теперь известного романа «Жизнь и судьба», который многие годы не мог найти дорогу к читателю. Побывал в нашем клубе и замечательный поэт Борис Алексеевич Чичибабин. Сейчас подборки его стихов печатают многие центральные журналы, а когда-то он был изгнан из Союза писателей, несколько лет провел в заключении.

Непосредственно, «из первых рук», узнают участники клуба о многих до недавних лет замалчиваемых событиях в истории нашей страны, в судьбах отдельных людей.

Руководитель клуба — кандидат исторических наук Владимир Шаров.

Москва

ЭКОЛОГО-ЭТИЧЕСКИЙ СОЮЗ

Против варварского обращения с природой — за бережное, нравственное отношение к ней! — так формулирует свою задачу Эколого-этический союз, объединивший ученых-экологов, инженерно-техническую интеллигенцию, студентов и всех тех, кому безразлична судьба города Краснодара.

Мы боремся против использования вредных химикатов на полях и вырубки кубанских лесов, проводим лекции и дискуссии на экологические темы, организуем работу по благоустройству и озеленению города.

При активном участии Эколого-этического союза предотвращено строительство атомной электростанции, которая грозила уничтожить биосферный заповедник, находящийся рядом с городом (было собрано 16 тысяч подписей в защиту заповедника). Об этом подробно рассказала краевая газета «Комсомолец Кубани».

Мы хотим сделать отношения между

человеком и природой нравственно-одухотворенными, уяснить их глубокий, философский смысл. Вот почему одно из направлений союза — изучение русской этической философии, знакомство с наследием таких русских философов, как Николай Бердяев, Владимир Соловьев, Сергей Булгаков.

г. Краснодар

МИР И МОЛОДЕЖЬ

Самодетельное движение «Мир и молодежь» возникло при горкоме комсомола Челябинска с целью объединить молодых людей города, направить их социальную активность на миротворческие акции и мероприятия.

В Фонд мира перечислены средства от фестиваля, организованного по инициативе молодых актеров Челябинского театра драмы. Во время фестиваля в городском парке было устроено карнавальное шествие, розыгрыши лотерей, импровизированные театральные спектакли. Планируется проведение следующего фестиваля мира, во время которого предполагается осуществить торжественный акт переплавки одной из единиц боевой техники, предназначенной на уничтожение в соответствии с договором между СССР и США (эта идея получила поддержку многих официальных организаций, была подхвачена Фондом мира).

Одно из направлений движения — экология: энтузиасты очищают от загрязнений реку Яшас, организуют экологические субботники.

В рамках движения работают группы социальной помощи старикам и одиноким, шефства над детскими садами и интернатами.

Мы призываем молодых сторонников мира искать свои формы активного участия в миротворческой деятельности!

г. Челябинск
«Прямую связь» ведет
корреспондент журнала
Елена Мариничева

ПРЯМАЯ
СВЯЗЬ

Предложение совета директоров

ПРОФСОЮЗНЫХ КЛУБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Совет директоров профсоюзных клубных учреждений Свердловской области считает целесообразным выйти в редакцию журнала «Клуб и художественная самодеятельность» со следующими предложениями:

1. Качество пластинок, помещаемых в журнале, не дает возможности использовать их по назначению. Предлагаем заменить их кассетами или обычными дисками (не гибкими). Если это и повлечет некоторое удорожание журнала, то будет оправдано качеством и возможностью использования их в работе. Возможно, что они должны войти в приложение к журналу.

2. Более оперативно помещать в журнале все нормативные документы, а для этого в каждом номере выделять специальную рубрику или страницы.

3. Приложением к журналу издать

все действующие нормативные документы и постановления, касающиеся работы клубных учреждений. Ежегодно выпускать сборники с такими документами, вышедшими за прошедший год, так как очень многие из них до руководителей клубных учреждений не доходят, а в работе они необходимы.

4. Все сценарные материалы издавать отдельным приложением к журналу, освободив этим место для более широкого распространения опыта работы клубных учреждений и обсуждения на страницах журнала самых различных проблем клубной работы, которых в связи с перестройкой работы возникает довольно много.

5. Распространяя опыт работы, обязательно разъяснять, на основании каких документов это новшество внедряется, так как в противном случае подобные публикации вводят в заблуждение некоторых сотрудников, а в отдельных случаях приводят руководителей культпросветучреждений к печальным результатам.

6. Уделить особое внимание рубрике «Экономика культуры», поскольку большинство культпросветработников с этим вопросом очень слабо знакомы, а в условиях развития самоокупаемости и платных услуг населению эти знания необходимы.

Мы считаем, что все приложения к журналу должны выходить по подписке за отдельную плату. Подписка проводится одновременно с подпиской на журнал и по желанию подписчика. Размеры приложения и периодичность — на усмотрение издательства, но не реже одного раза в квартал.

А. Уралов,
председатель совета
Н. Яганова,
секретарь

Редакция журнала благодарит своих читателей за предложения, тем более для нас ценные и интересные, что они во многом совпадают с нашими собственными поисками.

...А у кого расходы

Большинство руководителей бальных коллективов в нашем городе объединились в кооператив. Идея хорошая — обучать танцам не только во Дворцах, но и в школах, детских садах. Беда в том, что все «бальники», работавшие прежде в клубах, теперь работают в кооперативе. Это доходно и престижно. Кооператив устраивает конкурсы и праздники... Кооперативу никакие разрешения не нужны. У него все возможности. И туда уходят от нас, из ДК, люди. Таким образом, доходы от школ бального танца теперь идут в кооператив. На площадках Домов культуры и клубов кооператоры заниматься не хотят, потому что им невыгодно платить за аренду. От нас ушло около трех тысяч любителей бального танца. Правда, давно сложившиеся ансамбли бального танца остались на балансе клубов, Дворцов и Домов культуры. И получилось: все доходы — кооперативу, а все расходы на содержание этих ансамблей (костюмы, зарплата) — клубным учреждениям. Думается, юри-

дически этот вопрос не продуман. Если есть право создавать кооперативы, то, наверное, не за счет уже существующих коллективов?

Теперь о возможностях. Кооператив может провести республиканский конкурс бального танца. Профсоюзный клуб — не в состоянии. Где ему состязаться с кооперативом! Мы даже костюмы за наличные деньги для участников самодеятельности приобрести не имеем права. Заплатить организаторам праздника за их работу — тоже не можем. Вот пример: планировали устроить на стадионе праздник по случаю открытия футбольного сезона — пригласили режиссера, предполагая заплатить ему по инструкции (из расчета его месячной ставки), а кооператив предложил режиссеру гораздо большую сумму. И он, естественно, ушел в кооператив...

Мы не против кооперативного движения, мы за конкуренцию. Но в таком случае сначала развяжите нам руки, освободите от рамок инструкций! Дайте возможность платить талантливым людям столько, сколько они заслуживают. Давно стало тормозом указание платить совместителям не больше 50 процентов ставки. Есть у нас прекрасный шахтерский ансамбль — руководит им врач, а

основное место работы аккомпаниаторов — культпросветучилище. У ансамбля ежедневно труднейшие репетиции. Коллектив этот — участник концертных программ съездов и фестивалей, а мы не можем оплатить руководителю и аккомпаниаторам даже отработанные ими часы. Только полставки!

Ю. Чепеленко,
заведующая отделом
культурно-воспитательной работы
теркома профсоюза рабочих
угольной промышленности
г. Караганда

По редакционной почте мы знаем — аналогичными проблемами обеспокоены многие культпросветработники страны. В одном из ближайших номеров разъяснения на этот счет даст ответственный работник ВЦСПС.

Но кроме того, рекомендуем всем читателям нашего журнала внимательно следить за рубрикой «Нормативные документы по культурно-воспитательной работе». В ней, помимо принятых в последнее время документов, мы будем регулярно публиковать перечень документов, утративших силу.

К

ак-то вечером в одной из лабораторий Воронежского университета собрались за чашкой кофе проректор ВГУ кандидат физико-математических наук И. Суровцев, заместитель начальника цеха ПО «Электроника» инженер И. Анчуков и художник-оформитель В. Щукин. Творческие люди в свободное от работы время обменялись мнениями относительно некоего шедевра. Конкретно — того клуба карикатуристов-любителей, который тем же вечером решили они создать в городе. Это должен был быть совершеннейший «Шедевр».

К тому времени рисунки учредителей были опубликованы в «Крокодиле», «Литературной газете», «Огоньке», «Собеседнике», «Смене», «Неделе», «Известиях», «Советской культуре», «Труде», «Учительской газете», нескольких зарубежных сатирических изданиях. О «Шедевре» скоро узнали, и быстро объединились вокруг него инженеры, студенты, педагоги, школьники, военнослужащие, культработники... «Каждый рисунок должен «бить в десятку» — стало их девизом. А точный прицел могли обеспечить талант, трудолюбие, социальная и душевная зоркость. Клуб — общение — умножил возможности каждого.

Иван Анчуков, президент «Шедевра», стремится, по его словам, «идти в ногу с жизнью, что очень трудно». Во-первых, потому, что в цехе часто приходится задерживаться куда дольше положенного — на рисунок «удаётся иногда урвать лишь час-другой». Во-вторых, тем, сюжетов нынешнее время поставляет множество, «запасники впечатлений, наблюдений пополняются непрерывно». Нередко товарищи по цеху дарят идеи. Именно с подачи коллег зародились эскизы некоторых «знаков отличия». Есть у И. Анчукова такая серия рисунков — остроумные «награды» за оптимизм в конце месяца, за очковитательство, за прежние заслуги, корректировку плана, пробивную силу в науке, создание сверхнормативных запасов, преодоление межведомственных барьеров... Множество болевых точек экономики и общественной жизни «отметил» художник такими знаками. Кредо Ивана Анчукова: «Если стоишь прямо, не бойся, что твоя тень кривая». Говорит: «Чье это — не помню. Очень верно сказано. Стой прямо — не оглядываясь на тень. К сожалению, есть еще люди, кривая тень которых отражает кривизну их мышления, их души...»

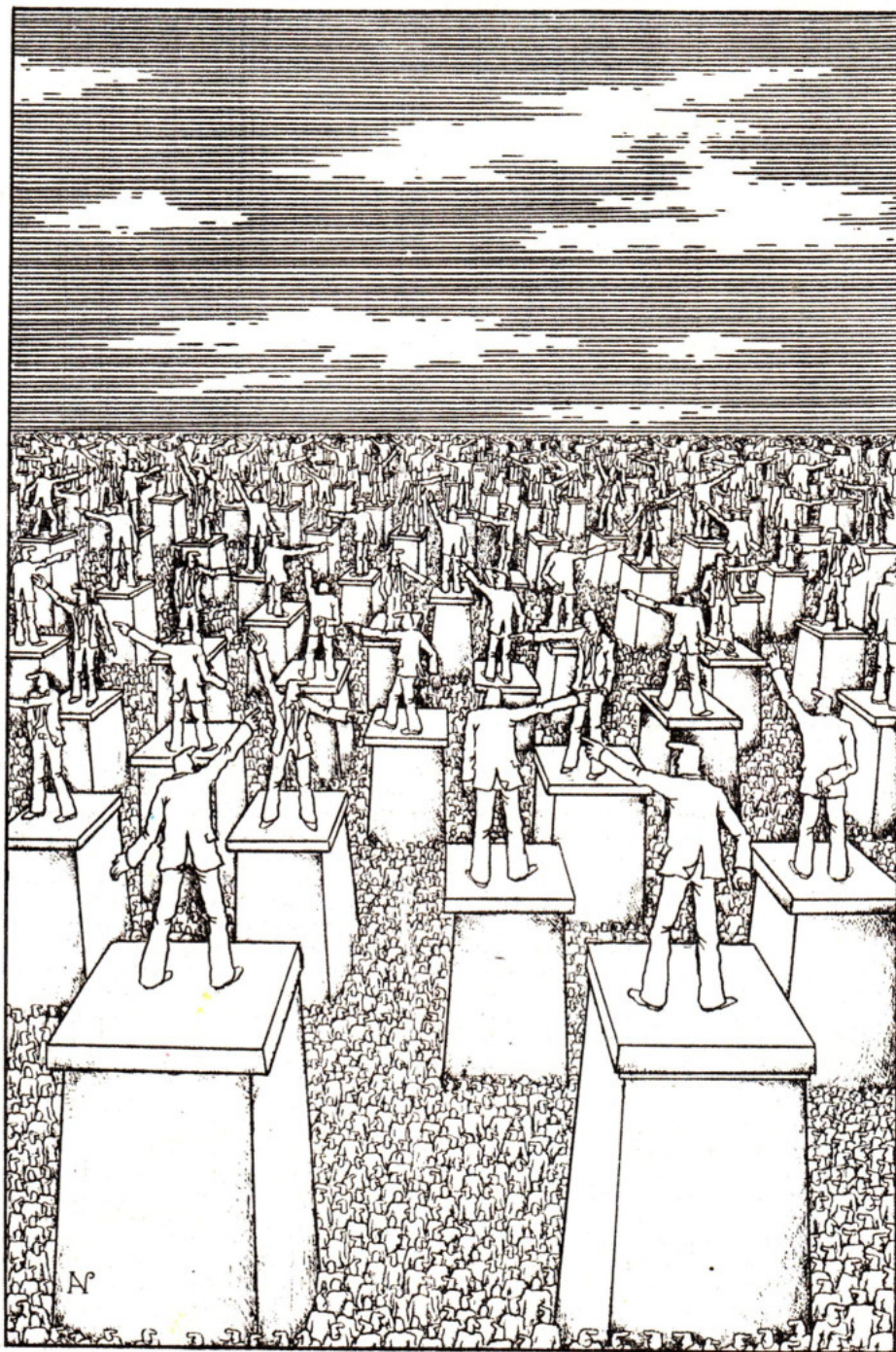
Вице-президента клуба В. Щукина, работника рекламного комбината, победителя телевизионного конкурса «Играем в детектив», мастера психологически выверенного жанрового рисунка, «больше всего интересуют отношения между людьми, высота их нравственной «отметки». Спрашиваю: что вам особенно претит? Отвечает незамедлительно: «Равнодушие во всех его проявлениях».

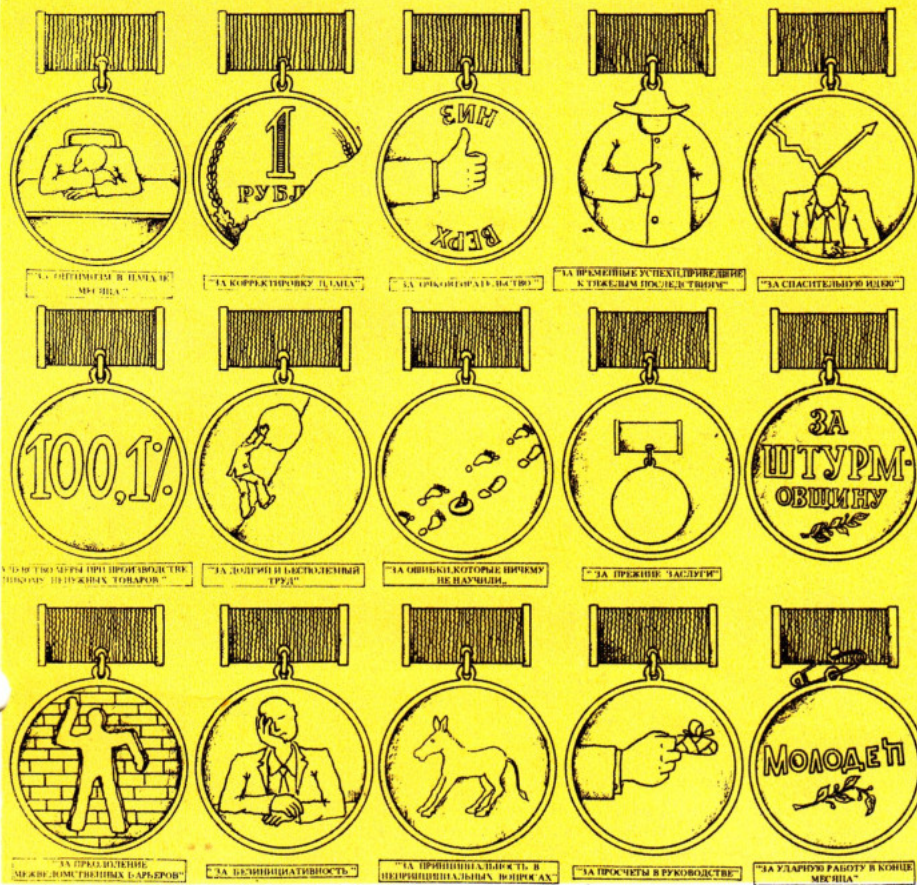
А. Костыне, ведущему конструктору КБ «Водмаштехника», «не хочется стоять в стороне от перестройки, на которую работают сатирические и юмористические рисунки, заставляя людей задумываться над тем, чего они иной раз не замечают, иной раз не хотят замечать». Костына — человек широких интересов: закончил художественное

СМЕХ — ДЕЛО СЕРЬЕЗНОЕ

В. КОМОВ,
журналист,
заслуженный работник
культуры РСФСР

«Почти ничего не умею, но есть у кого поучиться...»

училище, технологический институт, он своеобразный и известный в городе исполнитель авторской песни.

Архитектор С. Елкин увлечен дизайном и, говорит он, «пытается работать в жанре философского рисунка». От себя замечу, что попытки эти весьма успешны. Его работы и рисунки еще двух членов клуба «Шедевр» представлены были на проходившей весной в США выставке работ советских карикатуристов. Культпросветчик из удаленного райцентра Калача И. Лопатин в клубе появляется редко, но в различных газетах и журналах рисунки свои публикует часто. Инженер В. Тесленко одно время отложил сторону все начатые рисунки — совсем заматался в командировках, но... «Время наступило горячее, интересное — самое время братья за карандаш», — говорит этот автор более чем двухсот опубликованных рисунков. Армейский капитан С. Ермилов, едва приедет на время отпуска в Воронеж, спешит в клуб, показывает там свои новые работы, которые охотно печатают потом многие газеты и журналы.

Программист В. Жданова, студентка-математик Ж. Фитискина — дебютантки «Шедевра». Они взялись за фломастеры после знакомства с выставкой рисунков уже маститых шедевристов. Рисунки Ждановой уже появились в местных газетах. К работам Фитискиной члены клуба относятся заинтересованно, о ней говорят: «Интересно мыслит, парадоксально, забавно». А восьмиклассник В. Тихомиров уже узнал вкус успеха — участвовал в выставках. Президент «Шедевра» уверяет, что «мастерство паренка растет не по дням, а по часам». Сам Тихомиров сказал мне: «Пока почти ничего не умею, но есть у кого поучиться в клубе...»

Думаю, главный успех членов «Шедевра» как раз в том, что общение их с ри-

сунками, с ними самими приводит в клуб, привлекает к творчеству все новых и новых людей. Это же замечательно, когда «есть у кого поучиться», когда к рисункам твоим, к тебе самому проявят неподдельную заинтересованность твои единомышленники.

Несколько слов о клубе. Его президент и вице-президенты избираются общим собранием. Бумага, фломастеры, сувениры для победителей конкурса детского рисунка и конкурса на лучшую подпись к карикатуре — все приобретается на средства членов «Шедевра». Они сами оформляют щиты и стенды, сами размещают их в выставочных залах.

... Но вернемся в день, когда на бумагу легли строки устава клуба «Шедевр». В огромных витринах самого крупного во всей Центральной Черноземной зоне кинотеатра «Пролетарий» отныне стали постоянно появляться спецвыпуски карикатур «Под колпаком у «Шедевра», обновляющиеся каждые две недели. Острыми изобразительными средствами вскрываются огрехи в организации помощи горожан селу. Дается отпор формализму в осуществлении школьной реформы. Высмеиваются просчеты в организации индивидуальной трудовой деятельности. Высмеиваются терпеливые искатели «поллитровок» и рискованные мастера самогонаварения. «Восхваляется» женский труд на самых «легких» работах. Демонстрируется «механизм» непопулярности бюрократа, денно и нощно декларирующего «самоотверженную» борьбу за перестройку. Достается хапугам, несунам всех рангов и жанров. Не избежала зачисления в «Шедевры» и местная футбольная команда «Факел», дислоцирующаяся теперь не в первой, а во второй лиге...

Когда в Воронеже отмечали праздник

города, «Шедевр» в оперативно подготовленном выпуске поднял экологические проблемы загрязнения Воронежского моря, загазованности воздуха.

Взыскательным экзаменом для членов клуба стала недавняя выставка, организованная совместно с Всесоюзным клубом карикатуристов. В ней участвовали самодеятельные художники из двадцати городов и шести республик. Устроителям пришлось «продлить» вернисаж почти на две недели. Всего побывало здесь около восьми тысяч воронежцев и гостей. Не часты в выставочном зале такие аншлаги... Примечательно, что почти шестьсот человек приняла участие в конкурсе на лучшую подпись к карикатуре, а самые маленькие посетители состязались в том, кто создаст самый веселый рисунок.

Вскоре, без пауз на раскочку, вместе с редакцией областной газеты «Молодой коммунар» члены клуба объявили конкурс под девизом «Все это было бы печально, когда бы не было смешно». И сразу откликнулись желающие принять участие в этом конкурсе из Челябинска, Минска, Вильнюса, Омска и других городов.

Председателю клуба инженеру И. Анчукову в Запорожье присужден гранпри на выставке карикатур с многоадресными экспонатами. Работы ведущего конструктора КБ «Водмаштехника» А. Костыны не затерялись на выставке «Карикатура — оружие перестройки», проходившей в Алма-Ате. Рисунки архитектора С. Елкина и еще двух членов клуба демонстрируются на первой выставке советских карикатур в США. Воронежцы достойно дебютировали и на выставке карикатур в Тольянти «Человек и автомобиль». Карикатуристы из Черноземного края участвовали также в выставках в Югославии, Болгарии и Японии... И. Анчуков — призер конкурсов газеты «Труд», «Экономической газеты» и шахматного журнала «64», он иллюстрировал несколько книг сатириков и пародистов, работы В. Тесленко отметили в Габрово, а В. Щукина — в Бельгии.

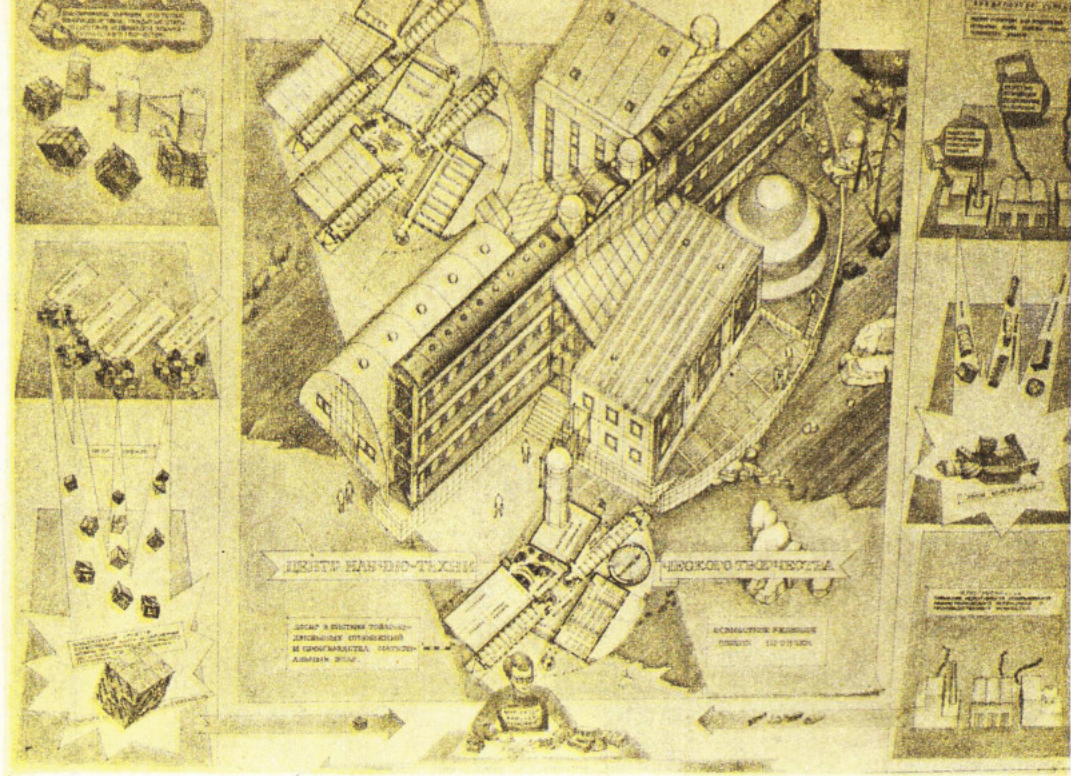
К слову: в юмористическом уставе «Шедевра» сказано, что «член клуба имеет право публиковаться в любом печатном издании мира, участвовать как во Всесоюзных, так и в Международных конкурсах, если туда пригласят, и получать гонорары, если его опубликуют». Некоторые итоги: за полтора года только в московских и зарубежных изданиях опубликовано около трехсот карикатур воронежцев...

Листаю альбомы. Разные — почерк, тональность, акценты. Но всех объединяет, особенно в последние три года, стремление внести свою лепту в утверждение нового мышления, в перестройку, в ускорение... Рисунки, как правило, лаконичны, выразительны, точны по замыслу. Их «герои» — «Иваны, не помнящие родства», болтуны и расхитители, карьеристы и кабинетные сидельцы, безответственные смежники и лже-книголюбы, транжеры и любители торжественных заверений, бракоделы и выпивохи, графоманы и те, кто ставит «фундаментальные» шлагбаумы на пути изобретателей...

Невольно вспоминаются слова М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Много есть путей служить общему делу, но смею думать, что обнаружение зла, лжи и порока так же небесполезно, тем более что предполагает сочувствие к добру и истине».

г. Воронеж

ИМПУЛЬС РАЗВИТИЯ, ИЛИ НОВЫЕ МОДЕЛИ КЛУБНОГО ДОМА

1

Н. Прянишников, архитектор, ЦНИИЭП зрелищных зданий и спортивных сооружений имени Б. С. Мезенцева.

Выставка порадовала и тем, что ее авторы рассматривали культурно-досуговые учреждения не столько, как помещения для развлечения людей, но, прежде всего, для художественного, технического и физического развития.

То есть для тех процессов деятельности, которые весьма эффективно способствуют нашей рекреации, помогают восстановить силы, израсходованные в труде на производстве, в учебе.

Таким мне представляется центр научно-технического творчества (фото 1) казанских архитекторов В. Коршунова и Д. Фирсова. Авторы предлагают специализированный комплекс, в котором можно найти, «что угодно для души». На первом этаже — кегельбан, теннисные корты, игровые автоматы, зимний сад, библиотека, конференц-зал; на втором — компьютерный и видеоклассы, секторы научно-технического общества, общества изобретателей и рационализаторов, общества «Знание», мастерские, кафе; на третьем — актовый зал на 200 мест, административные комнаты.

Проект физкультурно - оздоровительного клуба М. Савченко интересен попыткой самой архитектурой привлечь посетителей к физической культуре и спорту. В клубе создан универсальный зал, который одновременно может быть спортивным, а потом при помощи средств трансформации — блицчеров, выкатных кресел, эстрады — он превращается в зрительный зал. В сторону этого универсального зала «раскрыты» помещения для отдыха — гостинные, игровые комнаты, каминная, бар. Люди, не очень спортивно подготовленные, могут придти сюда и отдохнуть. В то же время они видят занятия, которые происходят в основном зале, и тем самым как бы агитируются за участие в здоро-

вом образе жизни. А малый спортзал используется в качестве фойе во время массовых мероприятий. В центре здания проходит четырехмаршевая лестница, освещенная верхним светом. На каждой площадке — специальные помещения — игровые, гостинные, тренажерные.

А вот архитектор А. Таиров и конструктор Г. Кукуй из Баку предложили проект плавучего лечебно-оздоровительного центра, созданного на базе отслужившей свой рабочий век плавучей буровой установки. Одно- и двухместные номера, кинозал, сауна, смотровые площадки, игровые комнаты, а главное — возможность бросить якорь в любом месте Каспия — все это привлечет посетителей. А создателей такого центра — умеренные денежные затраты.

Вообще надо отметить, что экономичность в организации мест досуга легла в основу идеи многих проектов. Архитекторы отказались от помпезных дворцов, а стали думать, как сделать помещение уютным и полезным. В «ход пошли» списанные строительные бытовки, паромходы, трейлеры, железнодорожные вагоны. Причем подсказывают пути их переоборудования часто добровольцы, заинтересованные в создании современных центров досуга.

А. Бергер, архитектор, Гипротест.

Хочу обратить ваше внимание на то, как с помощью типовых бытовок можно оборудовать клуб. Если в трудовом коллективе пять — восемь человек, скажем, археологическая, геологическая экспедиция, им, конечно, хватит одной бытовки. Для большего коллектива образуется уже специальная структура из бытовок с системой функционального общения. Смотрите проект архитекторов А. Мирошина, А. Крупина, О. Трегубовой, А. Федотова (фото 2). Клуб-бытовку можно сделать на стройке, во дворе жилого дома или использовать для балагана на ярмарке.

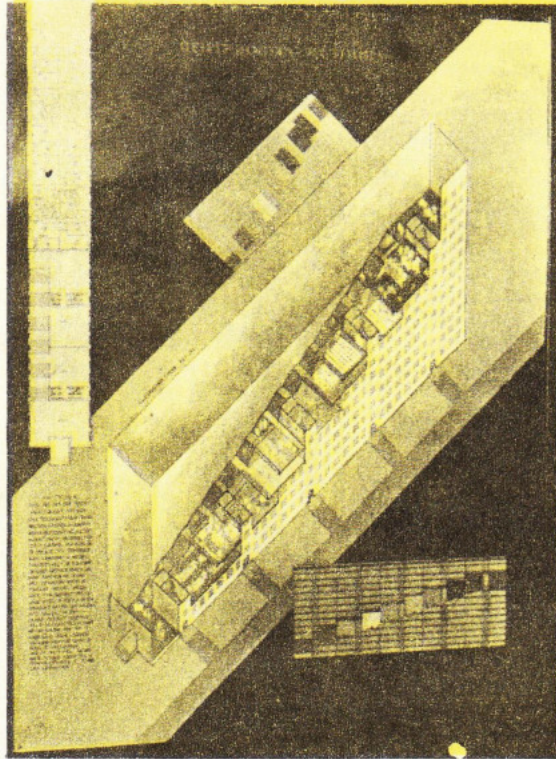
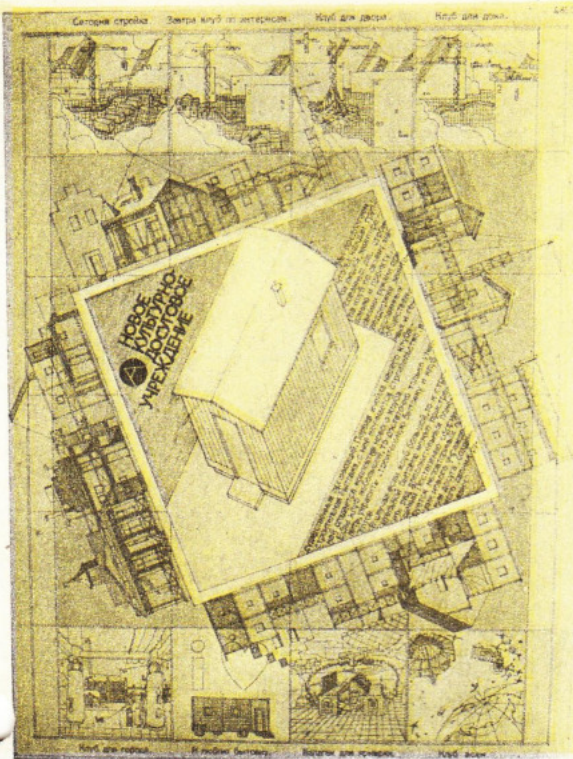
Принцип использования бытовок положен архитектором А. Никоновым и в основу его же системы СКОК — «систе-

ма комплексного обеспечения — клуб». Авторская идея такова: жители небольшого населенного местечка на общем собрании вместе со специалистами решают, какой им нужен клуб, заказывают его на заводе «Клуб-пакет» и получают в готовом виде. Рассчитываться можно в рассрочку. В блоке-бытовке: спортзал и музыкальный салон; кружковые студии и мастерские — в пространстве чердака. Предназначается для малых городов, населенных пунктов Средней Азии, Нечерноземья, Сибири, отгонных пастбищ, вахтовых поселков — нефтяников, геологов, для бригадных участков хозяйств и предприятий.

К этому же типу проектов я бы отнес и мобильный культурно-досуговый комплекс из модульных элементов А. Скрипкина-Кибас из Ленинграда. Он скомпонован из отдельных плавающих блоков и предназначен для обслуживания мелких населенных пунктов, расположенных у рек. Транспортируют его по воде, санным поездом, вертолетом. В блоках: библиотека, видеотека, игротка, кружковые комнаты, выставка, мастерская, сауна, кафе, персональный медицинский блок, спортблок. Все блоки плавающие. Их тянут по реке баржей и оставляют на два-три дня в деревеньке или городке, отцепив тот блок, который попросили жители. В одном месте — мастерскую, в другом — спортблок, в третьем — лекционный и видеотеку. Блоки оборудуются на специальных заводах. Поэтому в них скомпоновано все, что нужно. Например, блок-мастерская имеет станки, инструменты, рабочие места. Его цель — развитие интереса к техническому творчеству; видеоблок снабжен видеоматрифонами, мониторами, зрительными местами. Эти блоки, вытаскивая из воды, можно скомпоновать таким образом, чтобы получилась эстрада для открытой эстрады, ярмарки, спортплощадки...

Н. Прянишников

Среди премированных проектов много вариантов по реконструкции уже существующих зданий. Интересна работа

2

3

архитекторов М. Асадовой и А. Асадова. К обычной типовой школе предлагается пристроить фасад, который сочетает «полезное с приятным». Это место, где можно просто встретиться, погулять. К нему примыкает зал с бассейном и клубными помещениями. А для зрелищных представлений используется актовый зал школы. А вторая функция фасада — имитация старинной застройки классического стиля с помощью всевозможных архитектурных аппликаций.

Сходное предложение у архитекторов А. Вознесенского, Е. Ракишева, А. Юнусова — создать центр досуга в типовой застройке пятиэтажного жилого дома, который, как правило, имеет глухие торцовые фасады. Чем и воспользовались авторы, предлагая построить трехэтажную «вставку». В ней два универсальных зала — игровой и общий. А небольшие комнаты, которых всегда клубу не хватает, авторы считают возможным «заимствовать» у торцовых квартир этого жилого дома. Отрадно, что одновременно средствами архитектуры пытаются скрасить, в общем-то, унылое впечатление от типовой застройки. Мне нравится это предложение. Причем, думаю, «вставку-встройку» между глухими стенами близлежащих друг к другу домов можно делать на разных уровнях: верхнем, среднем, нижнем. Главное, оживить фасады «пятиэтажек», лишенные всякой мысли и пластики. Желание архитекторов объединить в проекте пространственные возможности и социальные задачи прослеживается практически во всех работах выставки, но особенно ярко, когда берутся «в одну связку» жилой дом и центр общения людей. Я думаю, всем посетителям запомнится центр досуга «Лестница» в типовом жилом доме.

«Лестница. Чем же она так привлекательна для нас? — спрашивают авторы проекта москвичи А. Иванов, И. Рувинский, Л. Рудская, Г. Кочетов, А. Чижковский. — Почему она традиционное место встречи и досуга многих наших молодых соседей? Может быть, потому, что это

и удобно, это и то общее, что принадлежит каждому и всем. Лестница нас объединяет, делает соседями. Но как ничтожно мало это единственное в доме место общения. Так, может, увеличим его? И тогда всем хватит места на нашей лестнице. И пусть придут рокеры из девятого подъезда и металлисты из четвертого. Пусть каждый этаж станет нашим миром увлечений, а лестница соединит нас. И тогда, наконец, мы узнаем тех, кто живет напротив...» И авторы взамен традиционной структуры здания клуба предложили более демократичную — лестницу (фото 3). По диагонали жилого дома выделяются комнаты, которые используются для встреч соседей, для занятий гимнастикой, рисованием, пением, техникой... Все эти пространства объединяются в клуб-лестницу.

Простая жизнь культпросветчика научила его не принимать все слепо, на веру. Поэтому естественны реплики и вопросы, раздумья и размышления сомневающийся «посетителей» выставки.

— Воплотятся ли эти идеи, мысли, проекты когда-нибудь в жизнь или останутся красивыми картинками на бумаге!

А. Бергер

— Заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госстроя СССР Ю. Баталин заявил на пресс-конференции, что лучшие проекты должны быть в кратчайшие сроки переданы на окончательную доработку, чтобы в 1988-м, а уж в 1989 году точно, можно было начать строительство по этим проектам. Госстрою СССР, Министерству культуры СССР, Союзу архитекторов СССР и другим заинтересованным организациям следует сделать для этого все необходимое. Думаю, что слово и дело у архитекторов не разойдутся.

— Проекты можно подразделить на две условные группы: клубы-фантазии, клубы-идеи, то, к чему архитекторы нас зовут, и клубы, строительство которых уже сегодня можно воплощать в жизнь...

Н. Прянишников

— Согласен на такую разбивку: клубы-идеи, клубы-предложения и клубы-реалии. Но не надо приписывать большую ценность одной группе по отношению к другой. Они выполняют разные функции, и об этом следует четко помнить. Мы уже говорили, что часто и проектировщики, и заказчики не могут отойти от стереотипов банального клуба, не устраивающего потребителя. И вот эти-то идеи расшевеливают сознание архитектора. А кстати, и заказчика, который, понавив и полюбив эту фантазию, пойдет вместе с нами по пути экспериментаторства.

А. Бергер

— Здесь нет ни одного технически неосуществимого проекта, не говоря уже о тех, что связаны с пристройками к жилым домам или бытовками. Я в свое время занимался бытовками. У нас их было шесть типов, в том числе известная всем рабочая столовая «Березка». Думаю, что клуб-бытовка, который предлагают ребята, сделать нетрудно. Кто заинтересован в рабочей силе, не хочет, чтобы с производственных участков убежала молодежь, тот сумеет сделать из бытовки клуб, затратив при этом минимальные средства. Нужны просто рабочие руки мастера, а таких в народе немало.

— Проекты мобильного культурно-досугового комплекса, СКОКа требуют для изготовления блоков-бытовок особого завода, которого сегодня в стране нет. Кто же возьмет на себя дополнительно производство этих клубов, кто может гарантировать, что эта дополнительная нагрузка не вырастет в глобальную проблему, не родит множество сложностей!

А. Бергер

— Деревообделочные комбинаты. Основная деталь блоков-бытовок — красивая отделка, лучше деревянная, изнутри и снаружи. Для этого нужны прежде всего легкие панели, какие, скажем, делает Нововятский комбинат мно-

гие годы для туристских домиков. Сложность в другом — они не делают мебель, тем более клубную. Но сегодняшней подход к хозрасчету, материальная заинтересованность людей могут полатать эту «сложность». И комбинаты, не дожидаясь чьей-то команды, скооперировавшись с органами культуры, начнут выпуск легких сборно-разборных бытовок для клубов. Те же объединения, которые занимаются поисками и добычей нефти и газа, тоже могут играть делать такие клубы. У них же мощная собственная стройиндустрия. Было бы желание.

— С бытовками проще, а вот во что выльется строительство досуговых центров, таких, как, скажем, клуб-улица! Кто возьмет на себя ее создание! Уж, конечно, не жилищная контора с ее мизерными средствами! Тогда, может быть, город, микрорайон! Но у них обычно нет денег переоборудовать старое здание школы под досуговый центр, а тут соорудить целый клуб-улицу... Да едва ли и «лишняя» улица найдется...

Насколько с точки зрения архитектуры и градостроительства проекты реальные, представляют интерес, а насколько они, как говорится, заумь! Если это проекты клубов XXI века, то прекрасно...

Н. Прянишников.

— Если мы думаем серьезно о будущем своего общества, то не должны экономить на индустрии досуга. По такому пути пошли волгоградцы, создав при речном вокзале досуговый центр и начинив его дорогостоящей аппаратурой. Сегодня трудно подсчитать отдачу от центра, но, безусловно, она будет много больше, чем вложенные средства. И не в денежном исчислении. Центр помогает воспитывать человека духовного, а это самое большое национальное богатство. Такой человек способен к новациям, техническим изобретениям. Культпросветчики часто говорят, что во всем виноваты архитекторы. Они, мол, не дают те пространства, которые нужны для клубной работы. Такая позиция мне кажется неправильной. Архитекторы, как всякие творческие люди, — мечтатели, но кровно заинтересованные в том, чтобы их детище — проект — реализовалось. Хорошо, что наконец-то мы все вместе выяснили: есть много различных клубных групп, они имеют право на существование и собственное помещение. Значит, необходимо не только типовое проектирование, но и индивидуальное.

Был период запрета на строительство клубов. Но сейчас административные и хозяйственные руководители повернулись лицом к строительству социально-культурных объектов. От заказчиков отбоя нет. Повлияло и то, что ВЦСПС выделил на строительство клубов в нынешней пятилетке один миллиард рублей. Еще раз повторяю: все представленные здесь идеи, проекты реальные и, уверен, обязательно найдут заказчика.

От редакции. Вот и окончилась наша экскурсия. Если у вас возникнут вопросы, постараемся ответить. С вопросами можно обратиться и к ведущему инспектору Управления культурно-просветительных учреждений МК СССР Владимиру Семеновичу Рыжову по телефону: 248-28-22.

Экскурсию помогла провести наш корреспондент **Ж. Смелова**

ВПЕЧАТЛЕНИЯ, ПРОНЕСЕННЫЕ ЧЕРЕЗ ЖИЗНЬ

(Из воспоминаний
Виктора Лебрена —
секретаря Л. Н. Толстого)

В один из августовских вечеров 1968 года в Центральном доме литераторов собралось много народу — пришли, чтобы послушать приехавшего из Франции на 140-летний юбилей Л. Н. Толстого Виктора Лебрена, в начале века бывшего секретарем писателя. Он говорил тогда, вспоминая об Учителе — так Лебрен называл Толстого, — более полутора часов. Рассказ был записан на магнитофонную ленту. Теперь уникальная запись хранится в Центральном государственном архиве звукозаписей СССР.

Прошло двадцать лет, уже нет в живых Лебрена, но голос его, записанный на пленку, звучит, возвращая нас к началу XX века, в Ясную Поляну, к великому писателю земли русской. Несколько слов об авторе воспоминаний.

Виктор Николаевич Лебрен был среди тех людей, с которыми Лев Толстой дружески общался в последнее десятилетие своей жизни. Уроженец Франции, он был привезен в Россию отцом — инженером путей сообщения, участвовавшим в постройке Туркестанской и Сибирской железных дорог. Живя и участвуя в России — вначале в Средней Азии, а затем на Дальнем Востоке, — он рано проникся интересом к произведению Толстого и еще в юности твердо решил следовать гуманистическим заветам любимого писателя.

Летом 1900 года, вскоре после того, как он потерял отца, семнадцатилетний Виктор Лебрен приехал в Ясную Поляну, чтобы спросить у Толстого совета, как дальше жить.

Лев Николаевич, считавший земледельческий труд наиболее справедливым, посоветовал ему выучиться крестьянской работе и самому возделывать землю. Лебрен так и поступил. С рекомендательным письмом Толстого уехал на Кавказ и в течение трех лет работал у разных хозяев, изучая сельскохозяйственный труд. Затем на своих скудных заработки и на небольшое на-

следство, оставленное отцом, купил под Геленджиком небольшой участок земли и обрабатывал его собственными руками. В течение всех этих лет писал Толстому, откровенно делясь своими переживаниями, раздумьями и мечтами. Радуюсь внутреннему росту своего юного друга, Толстой исправно отвечал ему, поощряя к серьезному чтению и честной трудовой жизни.

Весной 1906 года он по приглашению Толстого приехал в Ясную Поляну и стал помогать ему в переписке. До этого секретарей у Толстого не было — эту работу выполняли жена, дочери и наезжавшие друзья. Виктор Лебрен оказался отличным секретарем. Глубоко преданный своему учителю, знаток нескольких языков, особенно французского, он проявил себя деловитым, аккуратным и вдумчивым помощником. Толстой высоко ценил его душевные и деловые качества, доверял ему самостоятельное составление ответов на поступавшие письма. Полюбили симпатичного молодого человека и в семье писателя. Однако в нем уже крепко сидела крестьянская жилка, и с наступлением весеннего сева его потянуло домой, к земле. Вскоре он вернулся на Кавказ к своему любимому земледельческому труду.

В 1909 году Лебрен женился, а в двадцатых годах по настоянию родственников выехал на Родину, во Францию.

Последняя встреча с Россией произошла в 1968 году. Он приехал в Москву, посетил Ясную Поляну. В 1979-м году Виктора Лебрена не стало.

Мы публикуем фрагменты из воспоминаний В. Лебрена на страницах журнала, продолжая их на вкладной пластинке, где звучит голос человека, прикоснувшегося к одной из интереснейших и важнейших страниц отечественной культуры. Этот материал может быть использован при проведении и организации вечеров, посвященных юбилею.

ПРИЕЗД В ЯСНУЮ ПОЛЯНУ. НАЧАЛО РАБОТЫ СЕКРЕТАРЕМ

Летом 1906 года я, как обыкновенно, жил у Марии Александровны Шмит, очень часто посещая Ясную Поляну. Но вскоре Софья Андреевна спросила меня, не соглашусь ли я совсем переселиться к ним, чтобы переписывать весь монументальный дневник Толстого. «Юношеские тетради Льва Николаевича начинают уже выцветать», — сказала она. — Кроме того, в современных условиях слишком страшно хранить только один экземпляр. Вы переписите его в трех экземплярах. Один для нас. Второй я положу в музей. Наконец, третий экземпляр мы пошлем в Англию — Черткову, в его стальную комнату».

Я не мог желать ничего лучшего. Иметь возможность прочесть весь дневник Толстого! Я не смел и мечтать о таком счастье! На следующий же день я переселился в большой яснополянский дом. Меня поместили внизу, в комнате Андрея Львовича, которая была свободна. Но Толстой не согласился на предложение жены, он объявил, что дневники прекрасно могут пребывать в том виде, как они есть, все это дело весьма ничтожно и, наконец, подобное чтение могло бы иметь разрушающее влияние на такого молодого человека, каким в ту пору был я. Таким образом вместо переписки дневников на мою долю выпали обязанности личного секретаря. Это давало мне возможность близко увидеть всю повседневную жизнь Учителя. Прежде всего меня удивило, что настоящего, работающего за плату секретаря у великого писателя никогда не было — он считал, что писательская деятельность не дает ему нравственного права пользоваться чужим трудом, и поэтому, охотно принимая случайную помощь друзей, никогда не позволял себе нанимать помощника. Что касается меня, то при расставании он в разное время трижды предлагал мне денег, но я отклонил эти предложения.

Первое задание было переписать очередную рукопись... На столе в кабинете она лежала грудкой разнокалиберных листочков. Это были свободные странички, оторванные от полученных писем. Толстой на них набросал начало своей работы. «Прежде всего надо эти листы пронумеровать, как они есть, а потом можно переписывать», — пояснил он. Находившийся здесь же Сергеенко — автор книжки «Как живет и работает Лев Толстой» — показал, как писать на машинке, и я приступил к работе. Дел оказалось немало. Кроме переписки рукописи, еще и немало было забот с корреспонденцией. Бывали дни, когда приходило до 15 писем. Каждое такое письмо получало номер и записывалось в журнал.

Лев Николаевич отвечал не на все письма. На некоторые просил ответить кого-нибудь из семьи. Письмо незначительного содержания оставалось без ответа. По прочтении письма сортировались и складывались в шкаф. У каждого корреспондента была своя папка, перевязанная веревочкой. Но вот что Толстой делал неукоснительно сам — распечатывал почту и внимательно читал все письма. На конвертах отмечал, что следовало ответить или послать. Чистые же,

неисписанные листочки старательно отрывал. На этих кусках бумаги он потом писал свои письма и произведения. Поэтому автографы великого писателя имеют столь странный вид. Он часто любил повторять: «Это правило — чем сквернее бумага и правописание, чем грязнее и замусоленное конверт, тем значительнее и серьезнее содержание». Часто, держа полученный большой красивый лист с заголовком, написанным на машинке, говорил: «Все, что есть хорошего в этом письме, это чистая страничка». И старательно отрывал ее.

Кроме ответов на письма, надо было рассылать еще в значительном количестве книги и брошюры. Мысль народов России пробуждалась в то время с большой быстротой. И благодаря некоторой свободе печати, которую принесли последние реформы, спрос на книги стал почти безграничным. Ежедневно их просили у Толстого, и я должен был подбирать посылки, зашивать их в папку, записывать содержимое в специальную книгу. Из семейных — только младшая дочь Александра помогала отцу. Она неумоимо и быстро переписывала на машинке без конца передельваемые рукописи. Дочь Мария Львовна, приезжавшая погостить, иногда отвечала на письма или сверяла копии рукописей с оригиналами. Да Софья Андреевна записывала присылаемые во множестве книги в каталог или иногда переводила что-нибудь с английского. Остальные члены семьи, когда приезжали, жили как бы в стороне, не помогали в общем деле и заметно скушали. И в большой яснополянской библиотеке тогда порядка было мало. Часто книги, которую писатель просил, на месте не оказывалось. Полный порядок был только в кабинете.

В Лье Николаевиче, которого я имел счастье наблюдать вплотную, меня больше всего поразили две особенности. Во-первых, его необычайные скромность, деликатность и мягкость в обращении. Во-вторых, истинно подвижническое усилие, с которым он обрабатывал свои писания. Мне приходилось жить со многими людьми. Но Толстой был единственным человеком, в отношении с которым я ни разу не заметил и малейшего трения. Несмотря на мою молодость, он постоянно извинялся, когда звал меня, и, если поручал что-нибудь, всегда приговаривал: «Если милость Ваша будет!» А когда просил прийти и принести книгу, он неизменно прибавлял: «Пожалуйста мою старость».

ЮМОР ТОЛСТОГО

Юмор Толстого, с неподражаемой образностью, его манерой рассказывать, был какой-то легкий, приятный, необыкновенно заразительный. Как-то мы подошли к дому, и у веранды видна была привязанная лошадь — Лев Николаевич намеревался посетить просителя-погорельца из соседней деревни. Впервые передо мной ему предстояло сесть в седло. Он вдруг воодушевился и с едва заметным оттенком иривности спросил меня: «Вы знаете, как католический монах садился на лошадь?» «Нет», — весело ответил я. «Монах подошел к лошади и, подняв глаза к небу, проговорил: «Святой Николай, помоги мне». Прыгнул и недопрыгнул. Второй раз он сказал: «Пресвятая Мария — мать божица, помоги мне». Прыгнул и недо-

прыгнул. В третий раз он набрал воздуха и громко крикнул: «Иисусе — сын божий, помоги мне». Прыгнул, но опять недопрыгнул. Тогда, раздраженный, он отошел для разбега на несколько шагов и крикнул: «Все святые, помогите мне». Разбежался и, перемахнув на ту сторону, растянулся в пыли. Вздрыгнутый, он вскочил на ноги и, потрясая кулаком небу, вскричал: «Да, но не все же разом».

Я ездил верхом в Туркестане и на Кавказе, любил лошадей и умел обращаться с ними. Теперь в обмен на эту шутку мне надлежало показать, что могу быть неплохим стремянным. Мгновенно я составил план. Я подойду к коню спереди.левой рукой твердо возьму его под уздцы, чтобы он не мог двинуться, а правой быстро придержу левое стремя, чтобы помочь престарелому Учителю подняться до седла. Я так торопился, что не мог видеть, что делает Толстой. Но, увы, когда моя рука коснулась стремени, левая нога всадника уже была в нем, и он, прямой и легкий, слитый с конем, был уже в седле.

Другой веселый случай произошел во время моего секретарства. Толстой писал в кабинете за плотно закрытой дверью, когда ему доложили, что приехал некий князь, он же — академик. Я сидел за писанием в проходной, маленькой гостиной. Толстой не пригласил гостя и вернулся в кабинет. Затем он вновь прошел к гостю, но недолго пробыл с ним и, видимо теряя терпение, снова оставил его и прошел мимо меня. Маневр повторился еще раз, и когда в четвертый раз Льву Николаевичу довелось проходить в кабинет, он отвел меня в сторону и продекламировал вполголоса: «В академии наук заседает князь Дундук, говорят, не подобает Дундуку такая честь. Отчего ж он заседает? Оттого, что это есть». И Лев Николаевич хлопнул себя левой рукой ниже спины.

КАК ОН РАБОТАЛ

Передельвал и переписывал Толстой свои писания бесчисленное количество раз. «Кажется, я порчу — надо оставить», — сказал он однажды, подавая мне давно уже оконченную большую статью, которую он ежедневно исправлял. Дня через два он снова сказал, что статья окончена, и просил переписать начисто. Но едва успели мы исполнить это, как он вновь взял рукопись к себе, и вечером Александра Львовна показала мне ее всю перечерканную и изрезанную на куски. «Только немного почисть кое-где», — сказал он Александре Львовне, и работа началась снова. Через некоторое время он опять заявил, что окончил, но вновь переписанную в трех экземплярах длинную статью постигла та же участь. Заваленный работой, я часто сомневался в необходимости подобных бесчисленных исправлений и с особым вниманием, насколько позволяло время, старался выискать в их сущности. Однако, я не заметил ни одного случая, когда бы исправление не было сделано явно к лучшему.

Да, писатель был поистине великим тружеником. От многолетнего писания его правое плечо стало заметно выше левого. Ему исполнилось 78 лет, когда случай с корректурой предпоследнего полутома «Круга чтения» особенно поразила меня. Это были 293 страницы в восьмую долю листа Лев Николаевич

покончил с ними в один присест, и многочисленные поправки и вставки, из которых некоторые достигали четверти страницы, показывали, что он без пропусков прочел всю книгу. Правда, когда вышел из кабинета, где провел около четырех часов, вид у него был очень утомленный. Затем взялся за дело я — и, переписывая нечеткие места и исправляя некоторые опечатки, к стыду своему, просидел за той же работой два дня.

Престарелый писатель ежедневно проводил за письменным столом 6—7 часов. Только болезнь прерывала его занятия. «Возьмите себе статью, — говорил он тогда ослабевшим голосом, — может, Саша там что-нибудь почистит, а я сегодня совсем не гожусь». Это значило, что часа через два он неслышно войдет в библиотеку, чтобы не прерывать моей работы и высыплет ко мне на стол десятка полтора разной величины исписанных листов бумаги. «Не знаю, разберетесь ли вы с этим», — мягко говорил он, кладя рядом пачку писем, на которые ответил.

Так, день за днем, без малейшего перерыва, тянулось годами. Менялось только одно — содержание работы каждого дня.

... Когда в 1901 году Софья Андреевна заболела и оказалась необходимой операцией, в Ясную приехал знаменитый московский врач с шестью ассистентами, съехались все семейные. В доме стало так тесно, что меня с пишущей машинкой и со всем секретарским инвентарем перенесли из библиотеки в маленькую гостиную — рядом с кабинетом Льва Николаевича. Так я оказался у самой «святой святых»!

Теперь в течение целого дня одна только дверь отделяла меня от писателя. Однажды утром дверь осталась наполовину открытой, и, проходя к своему столу, я увидел писателя за работой. В своей черной шапочке он неподвижно сидел у стола. И был так поглощен работой, что совершенно не замечал меня. Несколько откинувшись назад и победоносно до высоты плеча занеся перо, как охотник, который настиг свою жертву, весь сиял счастливой и радостной улыбкой. На мгновение я затаил дыхание. Самая сущность жизни моего Учителя, самые недры его души были раскрыты передо мной. Ясно было, что он только что нашел такое освещение предмета, такой неотразимый довод, после чего можно сказать, как он это сделал однажды. «Мне, кажется, удалось представить так вопрос, что им остается только заткнуть уши, чтобы не слушать», — промолвил Лев Николаевич в ответ на мой взгляд на рукопись «Работы нашего времени».

«Самое же главное то, что писания, которые доставили мне так много счастья, доставляют такое же и другим, хотя и редким людям», — писал он мне во Владивосток.

НАРОДНЫЕ РАССКАЗЫ

Особое место в творчестве Толстого занимают народные рассказы. В период моего секретарства автор относился недобрительно к этим своим писаниям. Несколько раз он намекал мне на это. Однажды поздно вечером, когда все уже разошлось, а я по своему обыкновению медлил, в большом зале Учитель подошел и заговорил с воодушевлени-

ем: «Мне всегда хотелось написать для народа такой рассказ, чтобы самый такой серый, сиволопый крестьянин — так бы над ним и застыл». И он изобразил слегка растопыренные руки с негибающимися от работы пальцами и, наклонившись вперед всей фигурой, представил такого застывшего над книжкой крестьянина. Учитель сказал тогда «хотелось» с явным оттенком горечи. Это означало, что исполнить это свое заветное желание, несмотря на все долголетние усилия, ему так и не удалось.

В своей книге «Что такое искусство?», он едва решается отнестись к значительному искусству только два небольших рассказа — «Кавказский пленник» и «Бог правду видит, да не скоро скажет».

Несколько лет спустя мне представился случай вновь вернуться к этой теме. Пока Толстой был на прогулке, в дом зашел рабочий средних лет, умный и симпатичный. Он попросил книжечку. Я в кабинете прошелся по всем полочкам, уставленным изданиями «Посредника», «Обновления», и щедро снабдил просителя. По возвращении Учителя сказал: «Я дал ему ваши «Народные рассказы». Толстой в упор усталился на меня и сказал глухо и с жесткостью в голосе: «Я никогда не писал для народа». Я был так поражен неожиданностью и категоричностью такого заявления, что единственный раз за все десять лет своего общения с Учителем ответил ему с нескрываемой досадой в голосе: «Ну да как же?! Ну, боже мой! А эти же — «Чем люди живы?», «Крестник», «Два старика», «Где любовь, там и Бог», да и все остальные!» Учитель сверху вниз, слегка наклонившись, с явной иронией смотрел на меня. Он немного развел опущенные руки и вдруг вместо ответа только презрительно чмокнул губами и прошел в кабинет. Видно было, что все эти рассказы уже не соответствовали тому, что в то время грезились чуткому, глубокому художнику.

Можно попытаться угадать, почему в тот вечер так недоброжелательно отнесся автор к своим рассказам. Образы в них были архаическими. Чудеса такие, в которые автор никогда не верил. Характер многих писаний был утрированно христианский.

Однако крестьяне страстно зачитывались этими писаниями. Они были миллионами изданы в «Посреднике» по цене в одну или полторы копейки. На меня образы рассказов производили глубокое впечатление. Язык, поэтический, сочный, был близок к народному эпосу. Автор нередко записывал рассказы прямо со слов живших еще в его время народных сказителей.

... Как-то вечером Учитель остановил меня: «Перелистывал Вольтера... Кидущему крестьянину подходит монах и просит милостыню». «Почему же вы не работаете?» — спрашивает пахарь. «Мы молимся за вас», — отвечает монах. «Ну что ж, тогда я буду молиться за вас, а доходы пополам», — говорит мужик». Учитель цитировал мне по-французски. «Тогда эти люди знали, для чего они пишут», — задумчиво закончил он.

ДЕНЬ ТОЛСТОГО

Рано утром, когда в доме еще совершенно тихо, всегда можно было видеть Льва Николаевича во дворе с кувшином и большим ведром, которое он с трудом носил по лестнице. Вылив помо-

и набрав в кувшин свежей воды, он поднимался к себе и мылся. Я по своей деревенской привычке вставал с рассветом и садился в маленькой гостиной за собственную письменную работу. С лучами солнца, поднявшегося над вековыми липами и заливавшими комнату, обыкновенно открывалась дверь кабинета, и Лев Николаевич, свежий и бодрый, появлялся на пороге. «Бог в помощь», — говорил он мне, ласково улыбаясь и усиленно кивая головой, чтобы я не отрывался от дела. Это было обычное в то время приветствие трудящимся. Крадучись, чтобы не быть замеченным случившимися нередко ранними посетителями, чтобы не прервать разговором нити своих мыслей, он пробирался в сад или уходил в лес. В большом кармане его блузы всегда была записная книжка, и гуляя, он вдруг останавливался и записывал новую мысль в ее наиболее яркости. «У мысли есть свой зенит, — любил говорить Толстой. — Иногда схватишь ее, когда она только выступает, но тогда она не будет так сильна».

Через час, иногда раньше, он возвращался, принося на своем платье запах полей и лесов, и быстро проходил в кабинет, плотно затворяя за собой дверь. Иногда, когда мы оказывались вдвоем в маленькой гостиной, он, сосредоточенно глядя на меня, делился тем, о чем думал гуляя. Никогда не забуду этих удивительных минут. «Я отлично помню старое время, — говорил, например, Толстой. — Здесь, в Ясной Поляне, многие крестьяне занимались извозом. Железной дороги в то время не было. Самая бедная крестьянская семья имела здесь, в Ясной, шесть лошадей. Я хорошо помню это, бивали и такие, что имели и до двенадцати. А теперь безлошадных более половины дворов. Что же принесла она им, эта железная дорога, эта цивилизация? Или в другой раз: «Я часто вспоминаю случай на скачках в Москве, который я описал в «Анне Карениной». Я опустил этот случай, чтобы не прерывать рассказа. Надо было добить лошадь, которая сломала себе спину. Вы помните? Так вот, присутствовало множество офицеров. Был и сам губернатор со свитой, но ни один военный не имел при себе револьвер. Спросили у городского, но у него было только пустая кобура. Попросили саблю, шпагу, но все офицеры были только с праздничным оружием — шпаги и сабли были деревянные. Наконец один офицер побежал домой — он жил неподалеку — и принес револьвер. Вот до какой степени они чувствовали себя спокойными и вне всякой опасности в то время. А теперь у каждого чиновника — револьвер». И когда Толстой рассказывал мне этот случай, вся Россия уже от края и до края колыхалась большой зыбью надвигающейся революции... ■

Публикацию подготовил
Георгий Петров,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник ЦГАЗ СССР

Слушая и даже просто вспоминая песни или песенки Юлия Кима, чаще всего начинаешь улыбаться. Это веселье и умные песенки.

Они никого не поучают, ничего никому не внушают.

Ким всегда рядом со своим слушателем. Часто ироничен.

Уже второе поколение выросло со своими вкусами, пристрастиями и идеалами, но любовь к песням Юлия Кима не убывает.

Многие из сверстников, собратьев Кима по жанру, выдержали безжалостное испытание временем...

песни Юлия Кима

Евг. БИЛЬКИС

О песнях

Ю. Ким. Тогда все вдруг запели. Ситуация такая сложилась в 50-х. Горожанина потянуло к природе. Но это была и тяга к внутренней свободе. Туризм — природа — чистота отношений — простота — искренность. Отсюда и содержание самодельных песен, требующих интонации абсолютной доверительности. Эта простота отношений, особый («костровый») колорит переносится в город, в родные московские кухни.

Песня была нужна [песня всегда нужна], но та, что имела — песня из фильмов, радиопередач, бодрая, моторная, — этой новой интонации не содержала.

Выбор свою первую песню написал в 1951 году. Я пришел в тот же институт, где учился он и многие другие будущие авторы песен, в 54-м и попал в атмосферу неслыханных песен, разговоров, особенного юмора.

Мои собственные первые опыты — шутики, пародии: «Три храбрых кабальеро поехали в Мадрид, и каждый был тореро, и каждый знаменит». Я не относился к сочинению песен серьезно — «все поют, и я могу». По-настоящему увлекся сочинением на Камчатке, где работал три года после института. Это была хорошая жизнь. Но многие мои песни тех лет остались, как любительские фото, дорогими для тех, кто на них изображен, и малоинтересными для всех прочих...

Поскольку я сочиняю с 50-х годов, у меня накопилось довольно много песен. Есть «пиратский» цикл. Есть «гусарский», написанный в начале 60-х.

Появились и сатирические песни. Они возникали как отклик на конкретные события и конкретную ситуацию в стране. Мне самому эти песни нравятся, но не скажу, что в сочинении их я вкладывал больше пыла по сравнению с остальными. Из своих песен люблю песню «О Капнисте», правда, это скорее речитатив. Там есть социальное содержание, но песня эта больше дорога тем, что в ней мне удалось «словесные игры». Люблю дуэт Милона и Софьи из «Недоросля». Очень люблю грустную песню «Голубчик Петрушка», нравятся «морские» песни...

Юлий Ким — личность цельная. Мы узнаем его в каждой песне, песенке, веселой или лирической, доброй или саркастической. Мы угадываем авторство по особой, кимовской интонации, в которой сочетаются ироничность и безмя-

тежность, «здоровый» скепсис и достойное восхищения свойство подчеркнуть мысль, упрятав эмоции... Но все это прилизательное определение поэтики кимовского творчества. Удача его в том, что он мастерски, искусно «фехтует»: остается неуязвимым под защитой остроумного иносказания, смысл которого прозрачен, текст — обманное движение, ловушка. Убийственна ирония — не пафос. Ким не гневается, не обнаруживает тоски, избегает проявления чувств.

Есть безошибочный признак интеллигентности — привычка подсмеиваться над собой, не касаться святого всуе, а слегка лишь намекать. Намек — всегда поэтичен, музыкален.

В рассказе Юлия Кима о себе выражения «серьезно», «не серьезно», «по-настоящему», «в шутку» перемежаются, перелутываются, подменяют одно другое, без всякой нарочитости при этом. Такова же природа кимовских песен.

Иные глубоки, с деликатным, но внятным призывом жить по-человечески. Иные просты, скорее безыскусны, и поразителен эффект этой безыскусственности. Его «зубоскальские» куплеты серьезны уже хотя бы потому, что хороши. Отнюдь не пустяк — песня про Петра Палыча, который завел дога и, живя по-соседству с дамой-поэтессой, так никогда и не узнал об ее существовании, и достойная пара всю жизнь «прожила поврозь». Точно также трудно пристегнуть к какому-либо «серьезному» жанру незадачливого французского барона с его головокружительными домашними неприятностями. Все это, разумеется, выглядит не очень солидно, плод дурачества для капустника, плод игривой фантазии? Нет, не дурачества. Фантазия развивается в строго заданном направлении. Смешное — всегда умно, всегда пародирует жизненные коллизии, всегда заключает в себе протест против глубокомысленных благоглупостей. Предметны и осмыслены «дурацкие» клоунские шутики и трюки. Творчество Юлия Кима — пример особого, драгоценного сорта юмора, признаки которого мы находим в русской сказке, у Козьмы Пруткова, Саши Черного, Даниила Хармса и Николая Олейникова.

Но Ким — не просто поэт. Все эти его Петр Палычи, бароны и кабальеро — персонажи марионеточного театра, для которого автор-исполнитель придумывает музыку, заботится об исполнительских эффектах. Форма! Вот уж где Ким особенно изобретателен! «Что хочу, то и ворочу». Речитативность, оперность, частушечный говор, романские интона-

ции, разговорные аппликации — и все каким-то образом организуется в песню. Увы, своего точного названия для этого жанра у нас нет. Бард? Шансонье? Не совсем то и чужое на слух. Юлий Ким — мастер.

Творческий процесс

Ю. Ким. Музыкальная самобытность Окуджавы и Высоцкого для меня несомненна. Существуют мелодии Окуджавы, мелодии Высоцкого. Я отличаюсь от них тем, что активно занимаюсь стилизацией, пробую интонации русской народной песни, русского романса, цыганского романса, частушки, советской «профессиональной» песни. На меня, например, оказал влияние Дунаевский: для своей одно время популярной песенки «Фантастика-романтика» я «стянул» у него некоторые мажорные модуляции, они мне очень нравились и нравятся до сих пор. Быть может, оригинальными являются мои трактовки! Если я беру русскую мелодию, я ее, может быть, излагаю по-своему! И даже французский шлягер!

Музыка для большинству моих стихов к кино- и телефильмам написана не мною. Владимир Дашкевич написал музыку таких известных песен, как «Журавль по небу летит», «Не покидай меня, весна!», «К лицейской годовщине». Музыка хороша, мне такую не написать. Иной раз происходит путаница. «Казэшники» поют песни Дашкевича, считая их своими, и при этом пишут мне записки: «С тех пор, как вы связались с профессионалами...» Вроде как я отступаю от чистых идеалов авторской песни. На самом деле работа на заказ вовсе не означает отказа от собственной личности. Я с удивлением открыл для себя, что такие «личные» вещи, как «Купола в России кроют чистым золотом», «Сколь веревочка ни вейся» и даже «Чуть помедленнее, кони» Высоцкий написал для кино. Оказывается, был повод, была подсказка.

Существуют полюсы — своего заказа, своего замысла и чужого заказа, чужого замысла. Когда то и другое совпадает, получается хорошо. У меня было счастливейшее совпадение с музыкой Дашкевича в «Бумбараше», с музыкой Гладкова в «Обыкновенном чуде». Очень неплохие песни были написаны Рыбниковым к «Красной шапочке». К песне о звездах он придумал музыкальный припев до того, как я придумал слова. То, что предлагают профессиональные композиторы, иногда бывает не только хорошо, но и совершенно неожиданно для меня. Одну из песен Остапа Бендера из телефильма М. Захарова я принес Гладкову исключительно как танго, у меня даже был прилизательный напевчик. Но Гладков говорит: будет фокстрот. Получилось отлично. Прощальная песня из «Обыкновенного чуда» должна была быть, как я считал, вальсообразная, на $\frac{3}{4}$, а Гладков сделал медленный фокстрот — абсолютное попадание.

Тем не менее желание сочинять свою музыку живет. К моей песне «Ной и его сыновья» я же сочинил и музыку. Работал с удовольствием, хотя приступил без некоторой робости. Песни вроде бы удалось, Дашкевичу и Гладкову понравились. Они сказали — хорошо. Они не сказали — «профессионально». Я к слову «профессионал» отношусь с большим неодобрением. Я всю жизнь считал

и продолжаю считать себя любителем, который потихоньку набирается опыта. А слово «профессионал», по-моему, предполагает техническое умение... Время от времени понимаешь, что не хватает знаний, особенно после работы с Дашкевичем и Гладковым. Это ощущение выражается примерно таким образом: «Ох, как здорово. Я бы так не смог!» Некоторые вещи, которые они сделали по моим стихам, я до сих пор не могу «найти» на своей гитаре. Я ведь и как гитарист — любитель.

Что касается слова... недавно в журнале «Знамя» были опубликованы мои стихи. Все это — песни. Такие на которые была написана музыка, и такие, на которые музыка написана не была. Я отбирал то, что, как мне казалось, должно читаться. Немного поправил. Давид Самойлов сказал по поводу этой публикации: «Во всех стихах песенная основа». И он прав.

Если говорить о сочинении стихов и музыки к ним, то отправной точкой служит желание как-то получше, поточнее, похлеще выразить мысль, которая тобой владеет. Не существует заданного приоритета музыки или приоритета слова. Иногда музыка помогает стихам прозвучать, иногда стихи — музыке. Центр тяжести может смещаться или находиться посередине. У меня есть песня: «Ой, как хорошо, хоть песню пой — тра-ля-ля!» Этот текст назвать стихотворным невозможно. «Песенная поэзия»... В народной песне слова иногда не то что простые, а в отдельности от музыки взятые, даже бессмысленные. Есть такая песня, весь текст которой что-то похожее на «котвори да котвори», а в целом мелодия и слова передают определенное душевное состояние, и очень выразительно.

Если говорить о форме, люблю песни-диалоги. Их у меня довольно много. Диалог позволяет более выпукло выразить мысль. У песни возникает драматургия. Разговор лейтенанта с генералом у Окуджавы — «моя песня». Реплик таких мне в жизни не написать, а ход — мой любимый.

На протяжении полукилометрового отрезка от метро «Филевский парк» до клуба имени Горбунова стояли люди, мечтающие о лишнем билете. Таков оказался интерес к концерту Юлия Кима. Те полторы тысячи, что собрались в зале, так же, как и те, кто не смог туда попасть, — своя публика. Представить масштабы популярности Юлия Кима за пределами этого круга — не простое дело. Пластинка всего одна, и та вышла давным-давно. В гала-концертах бардов в Лужниках он участия не принимает, так же как и в популярных телепередачах. Не звучит его голос по радио. Послушать Кима можно по-прежнему только в магнитофонных записях. В третьих, пятых, двадцатых копиях голос Кима изменен до неузнаваемости. Но даже студийная запись не передаст и малой доли впечатления от живого исполнения. Ким на сцене держится просто, но сохраняет дистанцию с залом, оставаясь с ним на «вы», оставаясь немаложко настороже. Это не официальность, но сдержанность, как бы предписанная норма поведения воспитанного человека в кругу благожелательных, но незнакомых людей.

Голос его ведет себя куда более независимо. Ким ныряет в песню как в привычную стихию — поет самозабвенно, с нечасто встречающейся на сцене немно-

го наивной, компанейской веселостью не исполняет, не священнодействует, а распевает как-то заразительно залихватски, постоянно обыгрывая какие-то слова или фразы. Его модуляции непредсказуемы, длительность звука самая неожиданная — там оборвет, не договорив, там отчеканит, словно припечатает. Элемент исполнительской импровизации очевиден. Залом он владеет безраздельно. Какая-то песня может понравиться больше или меньше, может остаться равнодушным. Сам Ким не понравиться не может. Обаяние его неординарного, какого-то домашнего артистизма неотразимо.

Публика

Ю. Ким.

Я довольно часто выступал с концертами после приезда с Камчатки, с 1965 по 1968 год. Потом мне предложили прекратить публичные выступления, потому что я пел песни, которые тогда считались крамольными. Теперь те же самые песни рассматриваются как общественно полезные. Молчал я довольно долго, сначала из-за запрета, потом по инерции. Последние лет десять я выступаю довольно регулярно. Не всегда я это делаю охотно, иногда и просто неохотно, потому что, как правило, имеется некоторый зазор между мною и залом. Реакция публики не всегда точна, не всегда отвечает моим ожиданиям. Я люблю, когда слушатели ценят мои лексические извивы: «Как вкусно сказано» — это для меня наивысшая похвала.

Мне нравится выступать в авторских вечерах Дашкевича. Обычно под занавес мы исполняем наши совместные песни. Мне нравится петь без гитары, под рояль. Мне вообще хотелось бы петь в сопровождении небольшого ансамбля [бас-гитара, фортепиано, ударные, акустическая гитара]. Это были бы музыканты, так же тонко чувствующие специфику моего исполнения, как Дашкевич, аккомпанирующий мне на рояле: какие бы немислимые паузы я ни делал, он всегда вовремя ударит по клавишам.

Я всегда по-разному пою свои песни. Дома никаких заготовок не делаю. Актерское исполнение вытекает из самой музыкальной идеи песен. В моих монологах, диалогах фигурируют разные личности. Естественно стремление передать их характер. Есть и другая, более прозаическая причина. Репертуар меняется медленно. Все всё давным давно знают — чем же удивить, как не исполнением! Петь по-актерски, кроме того, мне нравится самому, нравится удивлять самого себя неожиданными нюансами. Это хоть как-то восполняет очевидный пробел в вокальных данных, ибо голос мой не отличается оригинальностью звучания, как у Окуджавы или Высоцкого, не столь богат обертонами...

Что касается слушательского интереса, то я связываю это с тем, что выступаю редко и в том кругу, где популярна самодельная песня. Перед аудиторией испытываю панический страх. В вечер концерта для меня самое лучшее — сидеть в своем закутке, настраивать гитару, и не знать ничего о том, что происходит снаружи.

На сцене чувствую себя хорошо, но раскачиваюсь не сразу. В последнее время быстрее удается справиться с волнением...

У авторской песни есть классики.

Юлий Ким — один из них. Песни эти, созданные инженерами, учителями, актерами, литераторами, стали частью музыкальной культуры последних десятилетий, повлияли на формирование эстетических и нравственных представлений двух поколений. Разумеется, феномен авторской песни ждет фундаментального социально-искусствоведческого исследования. Необычайно любопытен взгляд на него изнутри.

Судьба жанра

Ю. Ким.

Движение авторской песни [я не люблю это определение, но другого не могу придумать] приобрело огромный размах, а больше масштабы там, где речь идет о творчестве, приводят к снижению художественного уровня. Когда Высоцкий говорил, что он никакого отношения не имеет к самодельной песне, то, мне кажется, он хотел отделить себя от графоманов, которых появилось предостаточно. Он не был казспэшиком, не принадлежал к этому движению с его традициями, фанатизмом. Но я убежден, что его творчество не могло бы возникнуть, если бы вокруг не пели под гитару собственные песни. И он очень хорошо послушал Галича, Окуджаву. Это для меня бесспорно... У меня немножко иначе. Я наслушался Визбора. Он был одним из моих первых песенных учителей. Я знаю его слабые стороны, но я их «пропускаю». Я пристрастен...

Что сейчас! Многие барды получили официальное признание. Выступают, записываются в студиях. Авторская песня жива и видоизменяется. Она чуть-чуть повзрослела, стала пессимистичнее. Поменялись музыкальные тенденции, стало ощутимо дыхание рока, джаза. Ярких личностей, впрочем, мало: Вероника Долина, Михаил Щербаков...

Наверное, песенную интонацию, которую исповедывал Визбор, нынешняя молодежь уже не примет с таким единодушием. Такая опасность существует для всех «стариков». Но тут ничего не поделаешь — надо оставаться собой. Мне иногда хочется засесть за песню, посочинять, как бывало: для души. Но у меня ощущение, что нельзя этого делать даже по собственному приказу. Песня должна прийти. Я должен чувствовать, как во мне все «клубится и зреет». Пока во мне «клубится и зреет» лишь ностальгия по желанию написать песню.

Ну что же, воспримем эту ностальгию как благоприятный симптом. Несколько великолепных песен написаны им за последние два года. Юлий Ким с нами. Уже давным-давно это не школьный учитель, а профессиональный драматург, поэт. Дни его строгой расписаны надолго вперед. Он настолько занят, что руки не доходят до пластинок, которая осчастливила бы столько его поклонников и стала бы событием в музыкальной жизни страны. Но, повторюсь, есть основания для надежды. Юлий Ким живет в том самом доме, где родилось большинство его песен. Он остается верен прошлому, исповедует ту же, выражаясь его словами, интонацию и в жизни, и в творчестве. Это интонация, или позиция, умного, зоркого наблюдателя, который то рассмежит сочным каламбуром, то взгрустнет, то возьмет за руку и покажет зло, еще иногда благоденствующее в нашем добром, солнечном мире.

Марк Леонидович КОСТРОВ начал писать уже в зрелом возрасте. Темы и характеры он находил, путешествуя по малым городам и селам Новгородчины. Почему пустеет Нечерноземье, почему мельчает исконно независимый, свободолюбивый новгородский характер? Корни проблемы он искал в истории. Ответы на ряд вопросов мы находим в его «Поселянине» («Новый мир», 1987, № 4). Аракчеевщина для Кострова стала емким понятием, вскрывающим античеловеческую суть всякой политики «спрямления» естественных «углов» бытия, навязывания людям принципов и требований, противоречащих законам живой жизни. В книгах «Русское озеро», «За счастьем на озеро Дулово» писатель ищет те приметы народной жизни, те черты исконно русского характера, которые не сумела нивелировать политика уравниловки индивидуальностей. Как, развивая их, возродить новгородский характер, как приобщить к истинным духовным ценностям молодежь — вот над чем раздумывает писатель.

НА КАРТОШКЕ

П

осле поступления в культурно-просветительное училище нас вместо занятий послали на месяц на картошку в Пинаевы Горки. Библиотекарей поселили на край деревни к Ивановым, хореографов — за ручей, а нас — шестерых режиссеров — к

бабушке Домне.

Однажды вечером мы шли из клуба и вдруг видим, как из окошка дома, где мы жили, вылетает простыня, а в другое влетает. Так мы узнали, что бабушка Домна колдунья.

Кормили нас, в общем, не плохо. Картошки бери сколько хочешь, молока, хлеба давали, как идешь с поля, обязательно грибов на жаркое наломаешь. А ребята как-то поймали щуку и трех окуней, но все равно мясца хотелось, и мы решили попросить бабушку, чтобы

она околдовала хотя бы одну колхозную корову.

Бабушка согласилась ворожить за коробку желеиногo формового мармелада.

В Старую Руссу ехать за желеиноым мармеладом, конечно, было бесполезно, его и в Новгороде не бывает. Тогда мы отрядили самую красивую девчонку из хореографов в Холм на местный аэродромчик, как бы на практику. Она посмотрела на летчиков один раз со значением, два раза, улыбнулась им, и они ее взяли до Великих Лук. Но и в Великих Луках конфет не оказалось. Тогда она на лайнере полетела прямо в Москву, а из Москвы ей посоветовали лететь прямо в Шурово на желеиную фабрику.

Короче говоря, через два дня мармелад у нас был. Бабуся, причмокивая, сосала его, а мы хлебали горячий суп с мясом.

Всего нас было шестьдесят человек — коровы хватили на неделю. А тут и слой

подосиновиков кончился, пошло одно соленье: волнушки, ольшанки. Вообще-то, если их отмочить, то жарить можно, но животы все равно болели.

На второй раз бабушка Домна потребовала, чтоб мы достали две пары трусов для ее внука Петьки-тракториста из Поддоря и чтоб трусы были модные с красными заграничными цветочками по белому фону.

Даже Петр Петрович Добронравов, наш руководитель, хотя он не раз бывал на конкурсах в Париже и Лондоне, ничего не мог придумать, потому что трусы только-только входили в моду и были, как и джинсы, дефицит.

Но, к нашему счастью, у Нинки Ивановой, той, у которой жили библиотекари, ушел на другой конец деревни к телятнице Петровой муж Василий.

Нинка Иванова прокляла его, но когда муж с новой женой Марией пришел за вещами, ничего ему не отдала: она была дояркой (350 рублей), а он киномеханик (82 рубля).

У нее-то мы и приобрели так нужные нам тряпки. Нинке прислал трусы ее брат — матрос дальнего плавания.

Но скупая бабка Домна заворожила в этот раз только тоненького бычка, так как трусы были уже стиранные. С бычком мы справились за три дня.

К этому времени уже выпал и стоял первый снег, волнухи кончились, картошка пошла мелкая, а наши ребята поймали всего шесть плотниц и ерша. Правда, Петр Петрович проводил с нами беседы, читал газеты, книгу Аллена Бамбара «За бортом по своей воле», но, изрезав две капроновые рубашки на сачки, мы только и узнали, что планктон в Ловати не водится.

Бабушка Домна воспользовалась моментом и запросила три пачки авгия*.

«Ну такой, от него во рту холодеет», — шамкала ворожейка. «Мятные пряники? Мороженое?» — «Нет, нет!» Мы погадали-погадали немного и наконец развели руками.

И тут бабушку словно подменили: она стала плевать, шипеть: «Эх вы, не можете достать авгию! Ну, хорошо, я вам назавтра удружу!»

Мы всю ночь не спали, все боялись что же такое нам «удружит» наша хозяйка. Потом я забылась тревожным сном, и мне снился все этот самый авгий в пачках, рассыпью и в розлив, как подсолнечное масло.

Утром проснулись от воя. «Ой-ой-ой!» — выла бабка Домна. Мы все повскакали с постелей: «Что с Вами, бабуля?» — «Как что?! Вы у меня украли двести рублей! Ой-ой-ой! — причитала колдунья. — Я их положила в карман пальто, а теперь их там нет!»

Дело в том, что двое из нас спали на диване, двое — на кровати, а я с Вероникой — на полу, бабка стелила нам это самое злуполучное пальто, из которого теперь пропали деньги. Выходило, виновата в воровстве или я, или Вероника.

Но пригласили в район к следователю всех шестерых, и он вызывал нас каждую по одиночке и доброжелательно спрашивал: «Ты украла? Ты украла?»

Мы же держались стойко, даже когда он стал направлять на нас лампу, кроме Вероники, которая уже хотела сознаться, так как после чистосердечного признания следователь обещал всех покорить.

* Даже в словаре Даля нет расшифровки этого слова.

Но тут в двенадцать часов ночи потух свет, и нас отпустили. До деревни было восемь километров, и в одном месте поперек дороги стояло кладбище. Когда мы шли около ограды, то по ее верху ходила беленькая хорошенькая кошечка, а через нее туда-сюда прыгали черные большие коты.

На другой день нас снова вызвали к следователю, но мы захватили с собой буханку хлеба и держались стойко. Опять, как обычно, в полночь потух свет, но теперь уже, когда мы шли через кладбище, котов не было, а только под луной блестела лужа, и в ней на четвереньках стоял бородатый голый мужик, накладывал на себя грязь, приговаривал: «Ой, как хорошо! Ой, как хорошо!»

Он посмотрел на нас, улыбнулся, побрел в дальний конец лужи, а мы посмотрели на него и пошли дальше.

На третий день вновь каждая сторона осталась при своих интересах. И еще несколько раз нас вызывали.

Постепенно мы привыкли к однообразным допросам, а когда проходили мимо кладбища, всегда видели что-нибудь новенькое, однажды даже толпу людей в белых саванах.

Мы подумали, что нас разыгрывают наши ребята, и я, а за мной и остальные девчонки сдернули с толпы простыни — под простынями никого не было.

А так как после происшествия мы сразу же переехали от бабы Домны и жили в пустой избе, где крыша текла, печь дымила, а выдали нам одни лишь мокрые матрацы мы решили взять простыни себе. Шли себе с ними по дороге, разговаривали о своей клубной работе на селе после окончания училища.

Вдруг сзади раздался топот, крик: «Фулиганки, отдайте простыни». И мне на плечо легла черная лохматая рука. Я обернулась, сбросила ее в колею, дома же синяки и царапины от коготков смазала зеленкой. Перед сном мы еще немного поговорили о клубной воспитательной работе на селе, а наутро настало наконец седьмое октября — день нашего отъезда в город.

Мы уложили вещи в чемоданы и рюкзаки и стали ждать автобуса. Но когда он пришел и из него долго и осторожно стало выходить много людей, мы увидели, что приехала не замена, а начальство из только что созданного агропромышленного районного объединения. Оно тут же развернуло знамена и, объявив митинг, стало нас призывать к сознательности, к новому трудовому подъему, то есть агитировало остаться еще на полмесяца.

Вперед мы все не соглашались ни в какую, но потом девчонки, которые жили в теплых и сухих домах, остались, а мы, режиссеры, половина хореографов и треть библиотечарей, ну те, у которых текла крыша над головой, пошли домой и вдруг у кладбища увидели семь консервных банок на ограде. Мы были очень злые: машины нам на обратную дорогу не дали, денег на автобус не было, и мы сорвали злость на предках: начали поддавать банки ногами, как футбольные мячи, — шум шел по всему кладбищу.

Когда мы через несколько дней добрались до города, то обратились к нашему директору. Директор посоветовал нам сходить в профсоюзную организацию.

В профсоюзной организации обещали разобраться. ■

Э. БРАГИНСКИЙ

ВОРОВКА

Почти комедия

Часы оценили в семьсот рублей. И героиня пьесы, Люба, вполне могла захватить их из квартиры очередного случайного соискателя ее ласк. Тем более что в кармане у нее было пусто, а у Валеры, ее нового знакомого, часов — целая коллекция; если что и взять — будет совсем незаметно.

Впрочем, автора пьесы меньше всего волнует вопрос: Любиных рук дело — эта кража или нет; только ли она виновата в том, что не устояла перед искушением? А не виноват ли и тот молодой романтический москвич, что увез ее в столицу, обещав вечную любовь и светлое будущее? И его родители, которые, узнав, что девушка — воспитанница детского дома, не пожелали видеть ее своей невесткой и выгнали на улицу без денег и вещей? И общество, которому нет дела до человека, оказавшегося в чуждом городе без средств к существованию? Конечно, виновато и одиночество,

Ю. КИМ.

МУЗЫКА Г. ГЛАДКОВА

ВОЛШЕБНЫЙ СОН

Музыкальная сказка для взрослых в 2-х частях

«Вам мало или все-таки объяснить? Мы не хотим просыпаться! Этот восторг самообмана, эта энергия заблуждения — короче, эта спячка вполне устраивает нас! И не надо приходить, кричать, размахивать руками, а уж если так приспичило, то для начала, хотя бы из вежливости, надо поспать вместе с нами, и не один год!»

Не пугайтесь — это не производственная пьеса. И не цитата из газетного интервью. Поверим на слово Ю. Киму — он утверждает, что это сказка. Про спящую красавицу и ее спящее царство. А приведенные предрезанные высказывания принадлежат местному философу. Понимаете, он живет в канаве, и ему ничего от жизни не нужно, поэтому он и может себе позволить молоть такую чушь. Оригинальничает. Другие ведь в этом государстве думают иначе или, по крайней мере, говорят. Потому что воспитанные люди.

Впрочем, философам свойственно заблуждаться — они ведь оторваны от жизни. Что они видят из своей канавы? Этот, во всяком случае, только город-

гнавшее Любу каждую ночь на аэровокзал смотреть на табло с расписанием улетающих в разные края самолетов и искать случайных знакомств в надежде на встречу с приличным и все понимающим человеком. Виноваты и люди, что встречались ей там и множили ее одиночество. Виноват, и тот хороший, что встретился ей наконец. Правда, не на вокзале, а в юридической консультации, куда она зашла узнать, как выпутаться ей из истории с часами. Виноват в том, что попытался доказать невиновность Любы и суду, который все же состоялся, и Любе, и самому себе. Виноват в том, что не любил безоглядно и несмотря ни на что...

Словом, виноват, как вы поняли, весь мир, кроме главной героини, которая, наоборот, глубоко и безнадежно несчастна. Причем, как оказалось, не одна она так считает. Даже в суде незнакомая и, в общем-то, несимпатичная Любе женщина — народный заседатель — вступилась за нее и пошла против мнения и решения судьи. «Ах, какой же был скандал», — как пелось в популярной некогда песне. Впрочем, как и там, «песня не о нем, а о любви».

Ну а захватывающие подробности: кто же все-таки взял часы, почему автор так любит свою героиню и почему эта история — почти комедия — вы можете узнать сами, прочитав пьесу.

ские часы, а те уж двадцать лет как стоят. Их нарочно остановили, когда принцесса заснула. То есть в государстве спит одна принцесса, и то лишь двадцать лет. А этот выживший из ума старик утверждает, что спят все. Посмотрел бы по сторонам — убедился бы, что все, напротив, бодр, деятелен и непрерывно в работе. Господи, а сколько свершений за эти годы! Срыли несколько гор, повернули несколько рек — построили чудесную дорогу. До того дорогами туго было. А теперь по этой дороге лавиной двинулись туристы: от них знаете какой доход государству? Правда, пока не двинулись: говорят, мол, смотреть у вас теперь нечего, все снесли. Но тут они не правы: кое-что осталось. Вон, принцесса спит двадцать лет. Кстати, и принц все-таки один забрел; утверждает, что настоящий. Ключнул, бедняга, на старое предание о спящей красавице — разбудить захотел, полюбить и жениться. Навивный. Да и разве иностранец в нашей жизни может что-нибудь понять? Он ведь со стороны смотрит, не изнутри. Придирается, учит, что-то изменить пытается. Это он зря. Если в принцы хочет, лучше бы помолчал. Тем более и так есть два претендента на роль принца — из своих. Один — лорд Генри, очень деятельный, зато у другого происхождения лучше. В общем, борьба за власть намечается. Правда, это сказка, а в сказках всегда все хорошо кончается. Конечно же принц поцелует принцессу, та проснется и, наверное, его полюбит. Хотелось бы, чтоб его. Вдруг в этом царстве после что-нибудь изменится? А может, да же и к лучшему?...

Раздел ведет артист
эстрады и кино, лауреат
Международных конкурсов
Амаяк Акоян

Р. КАЦ

МЕЧТА О МИХЕЕВЕ

Трагикомедия в 2-х действиях
с прологом

Раз — и их выкинуло на необитаемый остров. Впрочем, это они думали, что на необитаемый. Даже плакать хотели. Это им еще полагалось — по малолетству. Школьники еще, дети: Федя, Олег, Лена, Маша и Миша. И с ними учитель. Он, впрочем, не плакал, а развивал бурную деятельность. Ответственность теперь лежала только на нем, но он был Михеев и унывать не собирался.

А остров оказался весьма странным. Во-первых, там обнаружился диктатор и всеобщий притеснитель — Дудкин. Он ненавидит весь мир и втайне лелеет план всеостровного уничтожения. Машину жуткую строит. И вот у него-то Михеев кабана убил. Кто ж знал, что эта дикая свинья — единственное любимое существо диктатора? Хотел учитель детей накормить, а вышло вон что. Дудкин-то пришел вооруженный до зубов, да еще с прихлебателем — Лошадкиным. Загнали они наших героев в пещеру. Страшно было. Но обошлось — в живых остались все. Пришлось, правда, одним мальчиком пожертвовать. Нет, его не убили, просто глаза у него оказались похожи на дудкинские, тот его при себе и оставил. Помощником.

А остальные попали к другим обитателям острова — семье Петуховых. Эти из тех, у кого все есть, кто все может и постоянно хочет еще большего, а потому гребет, гребет... Очень симпатичное семейство. Правда, путешественников все же напоили, накормили. Может, и

был им в том свой резон — кто знает.

Рассказывать, как сложились у ребят отношения с Петуховыми, не будем — некогда. Тут такие события закрутились, что не время сетовать на тех, кому петуховские богатства приглянулись. Испытание богатством и завистью — дело не новое, что уж тут. Грядут испытания поважнее. Дудкинская машина заработала. Скоро взрыв, и надо спасаться. А лодка на острове одна, и та — личная собственность Дудкина. Он, правда, почему-то ее с удовольствием ребятам готов отдать. Только вот помещается в нее всего пятеро, а ребят с учителем, как мы помним, шестеро и приходится решать, кому оставаться на острове. Самим решать: Михеев где-то ищет выход из положения и о существовании лодки еще не знает. Ребята и решили:

ОЛЕГ. Остается Михеев.

ДУДКИН. А?! Лошадкин?! А?! Вот оно, мое. Спасибо, голуби. Он сам вызвался?

ОЛЕГ. Его не было.

ДУДКИН. Без меня меня женили. Зачто. Заложили мужика. Что скажешь, Лошадкин?

ЛОШАДКИН. Дети, Эмиль Сергеевич.

ДУДКИН. (устало). Что-то не радостно мне, Лошадкин. Знал, чуял, а не радостно... Застеснялись, смотри. Ничего, пройдет...

А ведь и правда, дети. И Михеев, конечно, сам отказался бы в пользу своих учеников, обязан был это сделать — он ведь взрослый. А у них еще все впереди. Хотя сейчас в это верится с трудом.

Они сели в лодку и поплыли. Но вдруг кто-то прыгнул в воду и махнул к берегу. Интересно — кто?

ЧУДЕСНЫЕ ЧАШКИ

На иллюзионном столике зрители видят две чашки. Исполнитель демонстрирует их, и зрители убеждаются, что они пусты. Затем в одну из чашек артист высыпает немного крупы, так что она заполняет примерно треть объема (крупу лучше использовать гречневую — она темная и лучше видна). Затем он накрывает ее пустой чашкой, берет это «сооружение» в руки, показывает зрителям и вновь ставит на стол. Снимает верхнюю чашку... и зрители убеждаются, что крупы стало гораздо больше — она сыплется через край. Фокусник сгребает рукой излишки крупы и вновь накрывает полную чашку пустой. Опять показывает чашки зрителям, ставит на стол, снимает верхнюю и... все видит, что вместо крупы в ней — вода.

Каким образом происходят все эти волшебные превращения? Для удобства восприятия секрет трюка объясню по пунктам.

1. Края чашек зачищаются наждачной бумагой.

2. Берем лист тонкого, совершенно прозрачного пластика (например, плексигласа) и вырезаем из него кружок, точно соответствующий диаметру чашки.

3. В одну из чашек наливаем воду и накрываем ее прозрачным кружком так, чтобы между ним и водой не оставалось пузырьков воздуха. Теперь и в перевернутом состоянии вода из чашки не выльется.

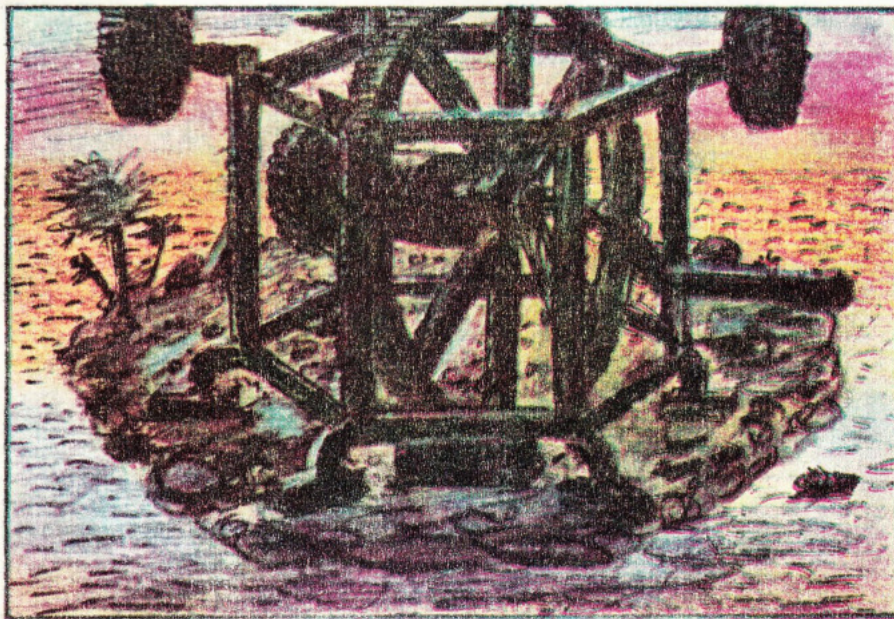
4. К моменту демонстрации фокуса обе чашки стоят на столе вверх дном.

5. Берем пустую чашку, насыпаем в нее крупу и накрываем чашкой с водой.

6. Незаметно переворачиваем чашки и снимаем верхнюю. Крупа остается на плексигласе, и у зрителей возникает впечатление, что ее количество увеличилось.

7. Смахнув излишек крупы, то есть на самом деле ее всю, накрываем эту чашку пустой (в которой ранее была крупа).

8. Остается только вместе с пустой чашкой незаметно снять и плексигласовый кружок — и зрители убедятся, что в оставшейся чашке появилась вода.

ЯРМАРКА МАСТЕРОВ

ВИЛЬНЮССКИЕ ВЕРБЫ

Родословная. Эти «флористические композиции» принадлежат к фольклорной традиции народов Польши, Чехословакии. В нашей стране их делают только в одном месте — в нескольких деревнях под Вильнюсом. Раньше вербы имели ритуальное значение — с ними шли в вербное воскресенье в церковь, а затем несли в дом и укрепляли на стене до следующей весны. Точно неизвестно, когда они появились, именно такие композиции, и почему заменили в некоторых местностях традиционные веточки вербы. Не ясна до конца и их символика.

Сегодня мы воспринимаем композиции из вербы как символ весны; они появляются впервые в году в начале марта на традиционной вильнюсской весенней ярмарке, и это наилучшие сувениры Вильнюса.

Однако технология изготовления верб не так уж сложна.

Если вы первый раз в жизни окажетесь в этот день на вильнюсском базаре, то будете поражены необычным зрелищем: повсюду — на прилавках, прямо на земле, в ведрах, в небольших двухколесных тележках — стоят сотни, тысячи каких-то диковинных созданий из сухих цветов и трав — фантастические джунгли, в которых так приятно заблудиться...

О мастере. Ядвига Станиславовна Кунницкая живет в деревне Краучюнай Вильнюсского района. Колхозница, теперь уже на пенсии, без работы она не сидит — один огород в пятьдесят соток чего стоит, да прочее деревенское хозяйство. Ко всему этому успевает еще и делать вербы — много, сотни. Делает к весенней ярмарке, в художественный салон, по заказам Домов культуры. Ядвига Станиславовна считается одной из наиболее искусных мастериц. Ее вербы украсили многие экспозиции, а недавно побывали на ВДНХ, на Всесоюзной выставке работ самодельных художников и мастеров декоративно-прикладного искусства, посвященной 70-летию Великого Октября, где были отмечены наградой.

Мастерство это в семье Кунницкой передается из поколения в поколение. Сама Ядвига Станиславовна получила необходимые навыки от матери старшей сестры, от нее они перешли к дочери Леокадии, а теперь еще поступила в обучение и пятилетняя внучка Агния. Значит, есть основания считать, что не прервется оригинальное искусство и порадует тех, кто будет жить в XXI веке.

Изготовление. Прежде всего надо заготовить материал. Дать сколько-нибудь подробный перечень растений, которые можно применять для создания композиций, просто невозможно — столь велико их число. Постепенно, с появлением опыта, после опробования различных вариантов вы сами найдете те растения, что наиболее подходят для вашего творчества. Но в любом случае у вас будет два источника «сырья»: собственный цветник и — поле, берег реки, опушка леса, да и чаща, пожалуй. Летом надо собирать травы, особенно те, что с метелками. Очень хорош в вербах ковыль. Травы связывают в пучки и раскладывают на солнце. Понятно, что для равномерной сушки их надо время от времени поворачивать. Потом, когда травы высохнут, их укладывают на сухой, проветриваемый чердак.

Кроме метельчатых трав, хорошо бы собрать и травы с иными декоративными свойствами, например, сероватых, серебристых тонов. Этот оттенок вообще очень важен при изготовлении верб — на таком фоне красиво смотрятся яркие головки бессмертника, других цветов. Поэтому мастерица советует собирать в лесу серебристый мох, который растет обычно в немалых количествах в притененных местах.

Ядвига Станиславовна и специально выращивает «материал» для будущих верб. Сеет бессмертники, их особенно часто употребляют в композициях, и «суховеики» (местное название цветка) растут у нее в цветнике в большом количестве. Сеет она и рожь — ее колосья весьма декоративны. А кроме того, в них заключен глубинный смысл: они вносят в композицию символику земного плодородия.

Вербы Ядвига Станиславовна начинает делать глубокой осенью, когда убавляются заботы в огороде. Перед тем как приступить к делу, она заготавливает еще палки из ореха, лозы — те, на которых держится верба. Красит метелки трав — если того требует замысел, — окуная их в разведенный кипятком анилиновый краситель (следует использовать краски для синтетики). Затем раскладывает на столе материал, берет в левую руку палку, пропускает вокруг себя нитку (№ 10) так, как это показано на рисунке, и начинает делать композицию. Идет с верха — сначала привязывает ниткой метелку, потом подвязывает первый ряд цветов, затем переходит к ряду трав или колосьев, потом — опять цветы и т. д.

Когда работа закончена, подрезает ножницами торчащие травинки — убирает неровности, эдакая парикмахерская операция. И чтобы подкрепить

сравнение, замечу: для того чтобы верба лучше сохраняла форму, мастерица советует сбрызнуть ее лаком... для волос. Итак, успехов вам — пробуйте, ищите, фантазируйте! ■

Раздел ведет Б. Соколовский
Фото автора

**...ИХ ДЕЛАЮТ
ТОЛЬКО В ОДНОМ МЕСТЕ
— В НЕСКОЛЬКИХ
ДЕРЕВНЯХ
ПОД ВИЛЬНЮСОМ**

Читайте слушайте

На фестивальной орбите

1

Третий Всесоюзный
Силкова Н.,
заместитель министра культуры СССР,
заместитель председателя
оргкомитета Третьего Всесоюзного
фестиваля народного творчества

3

Какая музыка была!..
Халонен В.

Возвращаясь к напечатанному

5

**О детских кружках,
обывателях и «бдительности»**
Великоречин А.,
наш корр.

Проблемы и суждения

8

Шаг навстречу
Еремин В.,
наш спец. корр.

Человек и его дело

10

Призвание — просветитель
Гнатюк Н.

13

Поздравляем победителей

13

Прямая связь

15

**Нормативные документы
по культурно-воспитательной
работе**

15

Спрашивайте — отвечаем

Читатель — журнал — читатель

19

**Предложение совета директоров
профсоюзных клубных
учреждений
Свердловской области**
Уралов А.,
председатель совета
Яганова Н.,
секретарь

19

...А у кого расходы
Чепеленко А.,
заведующая отделом культурно-
воспитательной работы теркома
профсоюза рабочих угольной
промышленности
г. Караганда

Смех — дело серьезное

20

**«Почти ничего не умею,
но есть у кого поучиться...»**
Комов В.,
журналист, заслуженный работник
культуры РСФСР

Архитектурные премьеры

22

**Импульс развития, или Новые
модели клубного дома**
Прянишников Н.,
архитектор,
ЦНИИЭП зрелищных зданий и
спортивных сооружений
имени Б. С. Мезенцева,
Бергер А.,
архитектор, Гипротеатр

**К 160-летию со дня
рождения Л. Н. Толстого**

24

**Впечатления, пронесенные
через жизнь**

Товарищ-гитара

27

Песни Юлия Кима
Бильякс Евг.

Литературная страница

29

На картошке
Костров М.

30

Репертуар

32

Ярмарка мастеров

«Кл. и художественная самодеятельность», 1988, № 17, 1-2